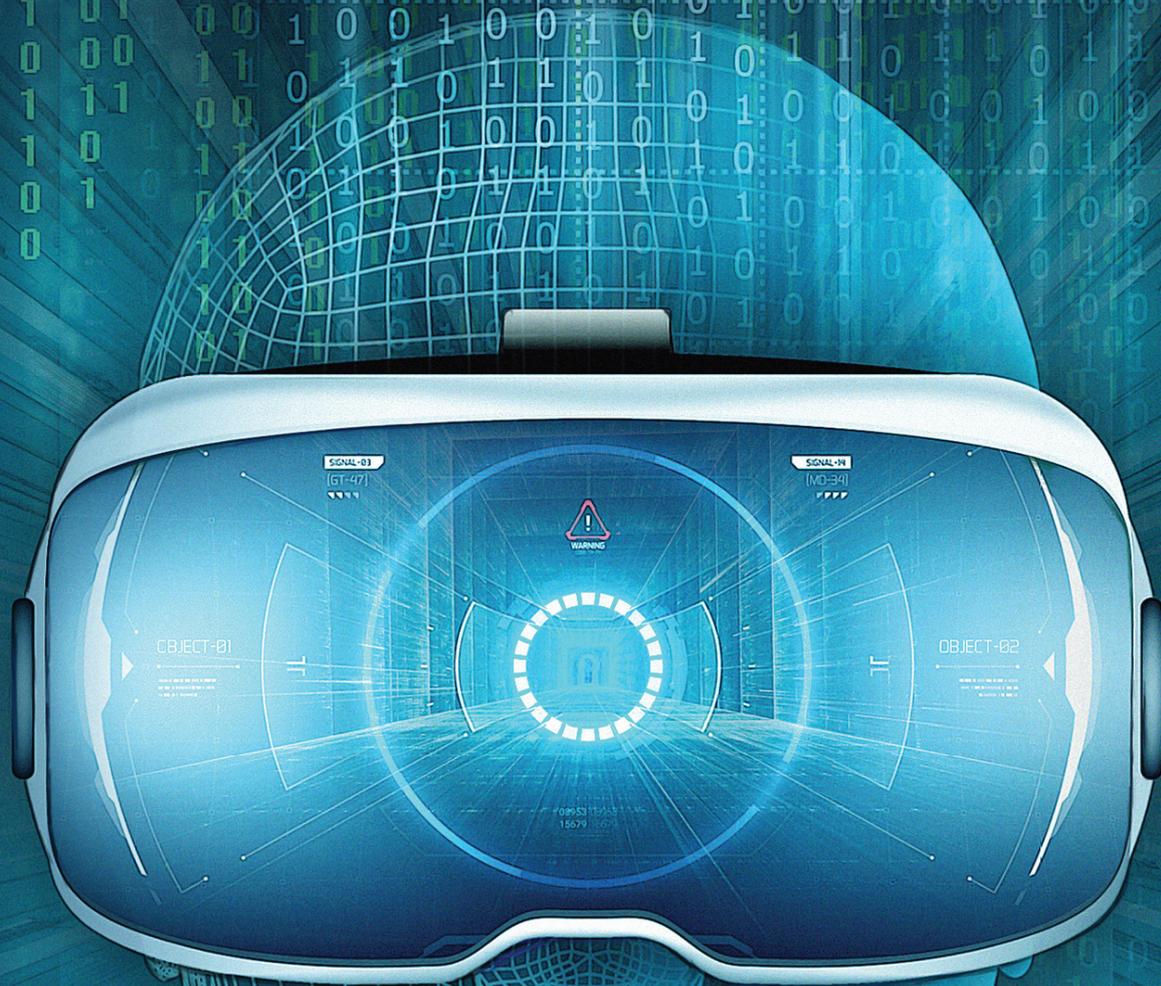

• КРИСТОФЕР ПРИСТ •

ЭКСТРИМ

fanzon

Большая фантастика

Кристофер Прист

Экстрим

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Экстрим / К. Прист — «Эксмо», 1998 — (Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-093904-6

Америка и Англия, Кингвуд-сити и Булвертон, виртуальный сценарий – и мир настоящий. Совпадения – вещь весьма заурядная, пока с ними не связано ничто экстремальное. Агент ФБР Тереза Саймонс теряет мужа в стихийной перестрелке в пригороде Абилина. Похожая бойня происходит в английском Булвертоне. Расследуя трагедии, Тереза летит в Англию, где крупнейший оператор виртуальной реальности предлагает стать участником событий. Пережить чужой опыт, погрузиться в сотканный из воспоминаний сценарий и... выйти за его пределы.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-093904-6

© Прист К., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	43
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кристофер Прист Экстрим

Christopher Priest

THE EXTREMES

Copyright © 1998 by Christopher Priest

Разработка серии и иллюстрация на переплете и форзацах Василия Половцева

© М. Пчелинцев, наследники, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«"Экстрим" – жестокий и реалистичный роман., невероятно мощный и многогранный».
Стивен Бакстер, SFX

Посвящается Ли

Глава 1

Ее зовут Тереза Энн Граватт, ей семь лет. У нее есть зеркало, сквозь которое можно заглянуть в другой мир.

Реальный мир представляется Терезе маленьким и неинтересным, она грезит о вещах более увлекательных, о мире, лежащем за пределами того, что ей известен. Она живет со своими родителями на северо-западе Англии, на американской военно-воздушной базе, расположенной неподалеку от Ливерпуля. Ее отец служит в ВВС США, а мать – местная, из-под Биркенхеда. Когда отец дослужит свою европейскую смену, он увезет семью в США. Скорее всего, они поселятся в Ричмонде, штат Виргиния, где Боб Граватт родился и где его отец держит оптовое предприятие по торговле техническими красками. Боб любит поговорить, чем он займется, уйдя в отставку, но все прекрасно понимают, что холодная война продлится еще долгие годы и американские вооруженные силы не будут ни сокращаться, ни снижать уровень боеготовности.

У Терезы длинные волнистые темно-русые волосы, постепенно теряющие тот золотистый оттенок, за который папа называл ее принцессой. Мама любит ее причесывать, но вот только нещадно дерет волосы, когда гребенка в них застревает. Тереза уже умеет самостоятельно читать книжки, самостоятельно писать, самостоятельно рисовать и самостоятельно, в одиночку, играть. Она привыкла к одиночеству, но при этом любит играть с другими ребятами с базы. Каждый день она катается на велосипеде по дорожкам соседнего парка, тогда же, во время этих прогулок, она играет со знакомыми ребятами. Она единственная среди них, у кого мама – англичанка, но никто не обращает на это внимания. Каждый день, кроме выходных, папа водит ее на другой конец базы в школу для детей военнослужащих.

Тереза выглядит и ведет себя как вполне довольная жизнью девочка; ее любят родители, с ней охотно сходятся сверстники в школе. Жизнь Терезы кажется правильной и разумной, потому что все, кто знает ее поближе, обитают в том же замкнутом, жестко регламентированном мире американской военной базы. У всех ее знакомых тоже нет постоянного дома, министерство обороны может в любой момент перебросить их родителей с одной базы на другую. Им тоже знакомы долгие, по несколько недель, отлучки отцов на учения и тренировки. Они тоже понимают, как ломается устоявшаяся было жизнь, когда отцу приходит новое назначение: в Западную Германию, на Филиппины, в Центральную Америку, в Японию.

Хотя Тереза ни разу еще не пересекала Атлантический океан, почти вся ее жизнь проходила на американской территории, на этих островках, выделенных из земли других стран и предоставленных американскому правительству под военные базы. Тереза родилась гражданкой США, ее учат в школе на американский манер, а через несколько лет, когда ее отец уйдет в отставку с военной службы, она навсегда поселится в Соединенных Штатах. Сейчас Тереза ничего такого не знает, да и зачем бы ей. Для нее известный ей мир – это одно место, а мир воображаемый – совсем другое. Папин мир заканчивается у забора базы, ее же мир простирается бесконечно.

Иногда, когда идет дождь – что происходит в этих местах едва ли не ежедневно, – или когда Терезе особенно хочется побыть в компании других детей, или просто такое настроение, она играет в родительской спальне в игру, лично ею придуманную.

Подобно всем интересным играм, эта игра постоянно развивается, день ото дня становится все сложнее, однако ключевым ее элементом как был, так и остается дверной проем, зияющий в стенке спальни. Судя по всему, здесь никогда не было, а может, даже и не планировалось двери; во всяком случае, на дверной коробке нет следов от прежних петель.

Давным-давно – то есть несколько лет назад – Тереза заметила, что окно гостиной по ту сторону двери ничем не отличается от окна спальни и что и там и там висят одинаковые оран-

жевые занавески. Если расположить занавески симметричным образом, встать футах в двух от дверного проема и не смотреть по сторонам, можно было представить себе, что смотришь в зеркало. Тогда она словно видела перед собой не часть другой комнаты, а отражение того, что было за ее спиной.

С этого зеркала начиналась ее личная тайная реальность. Сквозь него можно было бежать в мир, свободный от военных баз с их высокими заборами, в страну, где сбывались ее мечты.

Этот мир начинался с зеркальной комнаты по ту сторону дверного проема, и там, в этой комнате, она видела другую девочку, в точности похожую на нее.

Несколько недель назад, стоя перед своим воображаемым зеркалом, Тереза протянула руку в сторону девочки, стоявшей понарошку в соседней комнате, в зеркальном мире. Словно по волшебству, воображаемая подружка тоже подняла руку, в точности повторяя каждое ее движение.

Звали эту девочку Меган, и она была полной противоположностью Терезы. Она была ее идентичным близнецом и одновременно ее противоположностью во всех отношениях.

Теперь, когда Тереза оставалась одна или когда родители были заняты чем-то взрослым в какой-нибудь другой части дома, она подходила к своему зеркалу и играла с Меган в невинные воображаемые игры.

Для начала она улыбается и поддергивает платье вверх, а затем наклоняет голову. Там, в зеркале, Меган тоже улыбается, приподнимает край платья и застенчиво опускает голову. Руки протягиваются вперед, кончики пальцев на мгновение соприкасаются в том месте, где полагается быть зеркалу. Затем Тереза поворачивается и отступает на шаг, со смехом оглядываясь на Меган, повторяющую все ее движения. Все поступки каждой из девочек являются зеркальным обращением поступков другой.

Иногда две девочки садятся у зеркала на пол и перешептываются о мирах, в которых они живут. Случись кому-нибудь из взрослых подслушать их разговор, он бы ничего в нем не понял. Это некий поток странных фантастических образов, бесконечно увлекательных и вполне достоверных для ребенка, но совершенно бесформенных и случайных со взрослой точки зрения, ведь они болтают обо всем, что только придет им в голову. Для самих девочек природа их дружбы является вполне рациональной. Их жизни и фантазии точно подогнаны друг к другу, потому что каждая из них является дополнением другой. Они до ужаса похожи, с полуслова понимают друг друга, но их миры наполнены совершенно разными именами и названиями.

Детские радужные мечты текут неиссякаемым потоком. Проходят дни, недели и месяцы, а Тереза и Меган все так же обмениваются своими немудреными фантазиями о других странах и других событиях. На какое-то время их жизни обретают стабильность и постоянство. У каждой из них есть надежная товарка, они относятся друг к другу с абсолютным пониманием и доверием.

Меган всегда рядом, по другую сторону зеркала; Тереза черпает из дружбы с ней силы и начинает формировать более ясные представления об окружающем мире и о себе самой. Ей приятно видеть то, что ускользало прежде от ее внимания, и встраивать эти находки в свою жизнь, приятно понимать, чем занимается папа и почему они с мамой поженились, понимать, как связана ее жизнь с их жизнью. Даже мама подмечает происходящие с ней изменения и нередко говорит, что ее маленькая девочка начала наконец взрослеть. Впрочем, это чувствуют и все вокруг.

И там, в зеркале, Меган тоже меняется.

Однажды мама спросила у Терезы:

– Помнишь, я тебе говорила, что когда-нибудь мы уедем в Америку и будем там жить?

– Да, помню.

– Ну так вот, теперь это будет скоро, совсем скоро. Недели через две или что-нибудь в этом роде. Ты рада?

– А папа тоже поедет с нами?

– Конечно, ведь это же все из-за него, из-за его работы.

– А Меган?

– Ну конечно же, Меган поедет с нами, – улынулась мама и обняла ее еще крепче. – Неужели ты думаешь, мы ее оставим?

– Конечно, нет, – сказала Тереза и взглянула через мамино плечо на дверной проем, где стояло зеркало.

С этого места Меган не было видно, но она точно была где-то там.

Через несколько дней, когда родители в сотый раз обсуждали отъезд в Америку – что время совсем поджидает, а сколько еще дел не сделано, – Тереза надолго осталась в спальне одна. Весь ковер был завален игрушками, но они ей уже надоели. Тогда она взглянула на дверь и увидела там Меган. Судя по недовольному скучающему лицу, ей тоже все надоело; обе девочки начинали осознавать, что приходит пора, когда их общий воображаемый мир не сможет больше заслонять реальность.

Когда Меган отвернулась, Тереза тоже отвернулась и подошла к родительской двуспальной кровати, накрытой тоненьким, сдержанных тонов стеганым одеялом, которое мама сшила сама на прошлой рождественской неделе. Тереза залезает на кровать и несколько раз подпрыгивает на тугих пружинах, но и эта привычная забава не сильно ее радует. Она начинает сомневаться, а правда ли Меган переедет вместе с ними в новый американский дом.

Тереза оглядывается на зеркало, но так как кровати там не видно, то и Меган тоже не видно. Она ощущает, что ее маленький мир катастрофически сужается, что ограда, отделяющая его от мира большого, стягивается как петля.

Позднее, после обеда, она возвращается к кровати, все так же полная тревоги и беспокойства. Папа сказал, что послезавтра он улетает во Флориду и что они с мамой последуют за ним через пару дней. Меган подходит к зеркалу; судя по несчастному лицу, она тоже боится возможного расставания. Посмотрев с минуту друг на друга, девочки поворачиваются и расходятся.

С папиной стороны кровати есть низенькая тумбочка с выдвигаемым ящиком; года два или три назад папа велел Терезе никогда его не открывать. Тереза знает, какая интересная вещь там лежит, но никогда еще не нарушала запрет.

Теперь она открывает неглубокий ящичек и осторожно дотрагивается до лежащего там пистолета. Она трогает его еще раз, щупает кончиками пальцев холодную вороненую сталь, а затем берет пистолет двумя руками и медленно, с трудом поднимает. Тереза знает, как следует держать оружие, потому что папа ей как-то показывал, но сейчас ее мысли только о том, какая же она тяжелая, эта штука. Ее маленькие ручки едва справляются с непосильным для них весом.

Это самая восхитительная вещь, какую она когда-либо держала в руках, самая восхитительная и самая страшная.

Дойдя до середины комнаты, Тереза кладет пистолет на стул и смотрит в зеркало. Меган стоит рядом с таким же стулом, лицо у нее печальное, как и все последние дни.

На стуле, который у Меган, пистолета нет.

– Посмотри, что у меня есть, – говорит Тереза, а затем, сообразив, что Меган ничего не видно, берет пистолет со стула и вскидывает его повыше.

Она направляет пистолет прямо на свою близняшку, через узкое пространство, их разделяющее. Она ощущает в комнате какое-то движение, неожиданное появление кого-то большого, взрослого, ощущает и непроизвольно дергается. Раздается оглушительный грохот,

пистолет вылетает у Терезы из рук, больно выламывая ей пальцы, а там, за воображаемым зеркалом, резко обрывается маленькая, сотканная из фантазий жизнь.

Прошло тридцать пять лет.

Через восемь лет после возвращения в США отец Терезы, Боб Граватт, гибнет в автомобильной катастрофе, произошедшей на автостраде 24 в Кентукки, неподалеку от его авиабазы. После этого ужасного происшествия Терезина мать Абигейл переезжает в Ричмонд, штат Виргиния, и некоторое время живет с родителями Боба. Это решение является для всех них вынужденным, и ничего хорошего из него не выходит. Абигейл начинает пить, залезает в долги, регулярно ссорится с родителями Боба и в конце концов вторично выходит замуж. Теперь у Терезы есть двое единоутробных братьев и единоутробная сестра; они ее, мягко говоря, недолюбливают, она их – тоже. Не трудно понять, что такое положение вещей не доставляет особой радости ни Терезе, ни ее матери. Подростковые годы Терезы проходят в нездоровой, постоянно накаленной обстановке.

По мере превращения Терезы из подростка во взрослую девушку сумбур в ее эмоциональной жизни только усиливается. Она проходит через ряд жестоких разочарований, неудачных романов и переездов, совсем отчуждается как от матери, так и от отцовской семьи; довольно долгое время живет не расписываясь с кошмарно закомплексованным, отрицающим все и вся человеком, который быстро и целеустремленно спивается. Далее следует еще более долгий период, когда Тереза снимает квартиру на пару с другой молодой женщиной; в конце концов она узнает о муниципальной программе финансовой помощи студентам, желающим закончить образование.

С этого момента начинается ее настоящая взрослая жизнь. Тереза прилежно учится, подрабатывая попутно секретаршей. Через четыре года, получив степень бакалавра по информатике, она находит себе весьма приличную работу в одном из подразделений министерства юстиции.

Еще через пару лет она выходит замуж за сослуживца по имени Энди Саймонс, и брак их оказывается вполне удачным. Год за годом Энди и Тереза живут в полном согласии, почти не ссорясь. С детьми они не торопятся, потому что увлечены работой и вкладывают в нее все свои силы. Два государственных жалованья делают их людьми вполне обеспеченными; они позволяют себе проводить отпуск в дорогих зарубежных поездках, начинают собирать антиквариат и картины, обзаводятся несколькими машинами, устраивают многолюдные вечеринки и, как завершающий штрих, покупают в Вудбридже, штат Виргиния, просторный дом с видом на Потомак. А затем все счастье Терезы внезапно рушится: жарким июньским днем Энди едет на задание в небольшой, расположенный на «сковороднике» Техаса городок и гибнет от пули взбесившегося маньяка.

Прошло восемь месяцев, но она так и не оправилась. Нестерпимая горечь внезапного вдовства многократно усугубляется дикой бессмысленностью гибели Энди и неспособностью министерства юстиции предоставить ей хоть сколько-нибудь серьезную информацию относительно обстоятельств этой гибели.

Ей уже сорок три года. Со дня, когда умерла Меган, прошла треть столетия; при взгляде назад эти годы сближаются, складываясь в резюме ее прошлой жизни, в пролог к чему-то иному, чего она не хочет. Все, что было, закончилось тяжелой утратой. Терезе остались щедрые выплаты по страховым полисам Энди, три машины, большой, гулкий дом, в каждом углу которого таились непрошенные упреки и драгоценные воспоминания, работа, охотно предоставившая ей длительный отпуск по семейным обстоятельствам, и дружное сочувствие всех коллег, знакомых и незнакомых.

Темным февральским вечером Тереза принимает наконец предложение начальника отдела взять отпуск. Она едет в вашингтонский аэропорт имени Джона Фостера Даллеса, оставляет машину в платном гараже и вылетает самолетом компании «Американ эруэйз» в Англию.

Пока самолет заходит на посадку в лондонском Гатвике, Тереза жадно разглядывает окно тусклую, насквозь промокшую от дождя Англию. Она не знает, чего в точности ждала, но увиденное не вызывает у нее особого энтузиазма. Когда шасси самолета коснулись земли, аэропорт ненадолго исчез из виду, заслоненный брызгами из-под колес и выхлопом двигателей. В Англии февраль не такой холодный, как в Вашингтоне, но, пока Тереза пересекает эспланаду аэропорта в поисках своего прокатного автомобиля, ветер и промозглая сырость окончательно повергают ее в тоску.

В пути Тереза борется с собой, стараясь подавить эти обескураживающие впечатления. Ей неуютно управлять маленьким, истерически чутким к малейшим поворотам руля «Фордом Эскорт», неуютно от суматошной торопливости всех прочих едущих по дороге машин, от странного, явно нелогичного способа, каким нужно проходить перекрестки.

Несколько освоившись с автомобилем, она позволяет себе изредка оторвать глаза от дороги и с живым интересом поглядывает на проносящийся мимо пейзаж – пологие холмы, черные скелеты деревьев, крошечные домики и заболоченные поля. И мало-помалу Англия, покинутая Терезой много лет назад, начинает ее очаровывать.

Эта страна в корне отлична от той, что знакома Терезе; она меньше, старше и компактнее, она разместилась не на бесконечных безликих просторах, а в тесно спрессованном времени, здесь тебя в спину подпирает прошлое, а впереди уже брезжит будущее, смыкающиеся вот в этом, настоящем моменте. Тереза измотана долгим полетом, недосыпом и стоянием в таможенной очереди, так что не стоит удивляться причудливости ее мыслей.

Она останавливается в каком-то маленьком городке, чтобы размять ноги и взглянуть на местные лавки, а потом возвращается в машину и какое-то время дремлет, неудобно скрючившись за рулем. Резко, толчком проснувшись, Тереза не понимает, где она находится, а потом начинает скорбно думать об Энди, о том, как бы ей хотелось, чтобы он тоже все это видел. Она прилетела сюда в попытке забыть о нем, но результат получался скорее обратный. Если бы он тоже был здесь... Она сидит и плачет, задаваясь вопросом, не стоит ли вернуться в Гатвик и первым же рейсом улететь домой, но все же решает, что нужно дойти до конца.

При последнем свете короткого дня Тереза едет на юг к Сассекскому побережью, высматривая маленький прибрежный городок Булвертон¹. Это Англия, думает она, я ее знаю, я здесь родилась. Однако у нее не осталось в Британии ни родственников, ни знакомых, она здесь все равно что чужая. Год назад, восемь месяцев назад, иначе говоря, целую жизнь назад она и слыхом не слыхала про Булвертон-он-Си. Когда Тереза доехала до Булвертона, была уже ночь и большинство зданий погрузилось во тьму. На узких улочках – ни души, и только по ведущей к побережью дороге проезжают изредка машины. Найдя свою гостиницу, она несколько минут сидит в машине, собираясь с силами и с мыслями. В конце концов берет пару сумок и выходит наружу.

И тут все вокруг нее заливают ослепительно белый свет.

¹ Вымышленный город. В Британии Булвертон есть, но не на море и вообще в другом месте. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 2

Ее зовут Эми Колвин, и у нее есть своя история о том, что случилось в прошлом июле, в тот памятный день. Подобно многим другим обитателям Булвертона, она не имеет никого, с кем бы можно было поделиться своей историей. Никто вокруг не в силах об этом слышать, и даже сама Эми не хочет уже больше говорить. Ну сколько можно твердить о своих муках и об упущенных возможностях, обвинять себя во всех, какие только есть и каких нету, грехах, горевать о все еще кровоточащих утратах, о все еще не избытой любви? Но невозможность выговориться отнюдь не избавляет от мыслей.

Сегодня, как и обычно, она сидела за стойкой бара, ничем особым не занятая, и вся эта история до одурения прокручивалась в ее мозгу. Она была там постоянно, как неотвязная, прилипчивая мелодия.

– Если что, я буду в баре, – сказал ей Ник Сертиз часом раньше.

Ник был хозяином «Белого дракона», и он тоже мог бы рассказать свою историю.

– Ладно, – сказала Эми, потому что он каждый вечер говорил ей, что будет в баре, и каждый вечер она отвечала: ладно.

– У нас не предвидятся сегодня какие-нибудь постояльцы?

– Не думаю. Но в общем-то всегда может кто-нибудь появиться.

– Ну, я оставляю это твоим заботам. А если никто не заедет, ты не против помочь мне, посидеть за стойкой?

– Нет, Ник, не против.

Эми Колвин была одной из многих косвенных жертв массовой бойни, случившейся в Булвертоне прошлым летом. Она не находилась тогда в прямой опасности, однако на всю ее дальнейшую жизнь легла мрачная тень. Ужас того дня и не думал забываться. Дела в гостинице шли довольно вяло, оставляя ей слишком много времени на раздумья о том, что случилось с теми, кому совсем не повезло, и как могла бы повернуться ее жизнь, если бы не весь этот ужас.

Раз за разом ее мысли – и ее сожаления – возвращались к Нику Сертизу, также косвенно пострадавшему от той жуткой бойни. Еще год назад Эми и в голову не могло бы прийти, что она снова увидит Ника, не говоря уж о том, чтобы работать в его гостинице и спать в его постели. Но именно так все и вышло; почему? – непонятно, надолго ли? – неизвестно. Они с Ником нашли друг у друга поддержку и утешение, а потом, когда их горе несколько притупилось, вступила в действие обычная житейская инерция.

Булвертон расположен на холмистом краю Певенсийской равнины, между Истбурном и Бексхиллом. Полвека назад он был довольно популярным летним курортом, одним из тех приморских городков, куда охотно ехали отдыхать родители с маленькими детьми. С резким удешевлением отдыха за рубежом Булвертон стал быстро приходить в упадок. Большая часть прибрежных гостиниц была переоборудована в приюты для престарелых и обычные жилые дома. За последние двадцать лет Булвертон, фигурально говоря, повернулся к морю спиной и стал играть на незамысловатых прелестях Старого города, чьи сады и террасы занимали часть речной долины и один из соседних холмов. Вся хозяйственная деятельность Булвертона ограничивалась антикварными и букинистическими лавками, некоторым количеством частных лечебниц, сосредоточенных по преимуществу в верхней части города, на так называемом Гребне, и сдачей квартир людям, ездившим на работу в Брайтон, Истбурн или в Танбридж-Уэллс.

«Белый дракон» никак не мог определиться, быть ему пабом или приморской гостиницей, и вина за эту нерешительность лежала полностью на Нике. Он, конечно, предпочел бы паб, чтобы проводить все вечера в баре, накачиваться пивом в компании немногих своих дружков.

Чуть более прибыльная гостиничная специализация – постель-и-завтрак да изредка полупансион на выходные – полностью лежала на Эми; Ник с величайшей охотой свалил это

на нее. В первые после бойни дни и недели, когда Булвертон осаждали журналисты и телевизионщики, гостиница была набита под завязку, и Эми тогда с радостью окунулась в работу, дававшую ей возможность хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей. Но затем, когда первое потрясение прошло и Булвертон перекочевал с первых газетных полос на последние, деловая активность стала снижаться, к середине июля она вернулась на обычный, весьма умеренный уровень. То, что постояльцев было мало, позволяло Эми в одиночку и без особого труда поддерживать номера в чистоте, перестилать постели, обеспечивать крохотный ресторанчик достаточным выбором блюд и даже вести бухгалтерию. Ник в эти дела не лез.

Эми часто вспоминала прежние времена, когда их тесная, еще в школе сложившаяся компания каждое лето ездила в Истбурн, где с июля по сентябрь непременно происходили два-три крупных сборища: съезды политических партий, конференции профсоюзов, деловых или гуманитарных организаций. Там было нетрудно найти краткосрочную, но прилично оплачиваемую работу – большим гостиницам всегда требовались горничные, официанты и бармены. К тому же было весело, уйма молодых людей, торопившихся растряссти деньги, и никто ни за чем не следил, никто ни на что не обращал внимания. Там-то она и встретила Джейса, он тоже подрабатывал на съездах в роли сомелье. Смех да и только, ведь Джейс, бывший в обычной жизни кровельщиком, разбирался в винах еще хуже, чем Эми.

О чем Эми не рассказала сегодня Нику, так это о чувстве разочарования, нараставшем в ней едва ли не с самого утра. Дело в том, что две недели назад из Америки пришел предварительный заказ. Тогда Эми тоже ничего Нику не сказала, перевела полученный задаток на банковский счет, и все. А в общем, женщина по имени Тереза Саймонс хотела получить комнату с отдельной ванной; она писала, что приедет в Булвертон на неопределенное время и нуждается в базе, откуда будет делать набег на окрестности.

Перед Эми вставала радужная перспектива обеспечить на медленные месяцы поздней зимы один из номеров постоянной жилищкой; если учесть завтраки, обеды, ужины и потенциальный рост выручки от бара, дело представлялось очень выгодным. Глупо, конечно же, было бы думать, что одна-единственная клиентка сможет существенно изменить финансовое положение гостиницы, но по какой-то неясной причине Эми считала такое возможным. Она сразу же послала ответный факс, что такая комната имеется, и даже предложила, на случай долгого постоя, небольшую скидку. Буквально через несколько часов пришло подтверждение заказа вкупе с задатком. А Ник так ничего еще и не знал.

Сегодня был день предполагаемого заезда миссис Саймонс. Согласно факсу, она прилетала в Гатвик и, значит, могла появиться в гостинице еще до полудня. Но прошло обеденное время, а от гостя не было ни слуху ни духу. По мере того как день клонился к закату, у Эми нарастало ощущение досадной неудачи. Оно находилось в явной диспропорции к важности происходящего – самолет мог задержаться по массе разнообразных причин, да и кто вообще сказал, что приехавшая туристка должна тут же мчаться в гостиницу? – и Эми прекрасно это понимала.

Это лишний раз ей напомнило, как много надежд она связала с этим заурядным в общем-то делом. Ей хотелось удивить Ника неожиданным приездом миссис Саймонс, обрадовать его рассказом об отнюдь не лишней прибавке к доходам, и не на пару дней, а на длительное время. Маячил даже смутный призрак надежды, что такое известие может вырвать его из нескончаемого потока мрачных размышлений.

Эми понимала, что оба они помимо воли затянуты в водоворот тоски и страданий; едва ли не все жители Булвертона все еще живо переживали недавнюю трагедию.

А вот что было сказано на заупокойной службе, проведенной через неделю после этого кошмара, – в тот единственный за всю ее жизнь раз, когда она пошла в церковь по собственному, искреннему желанию. Преподобный Кеннет Олифант сказал тогда, что горе – одна из

разновидностей жизненного опыта наряду со счастьем, или успехом, или любовью. Горе имеет свою форму и длительность, оно что-то дает и чего-то лишает. Горе нужно перетерпеть, нужно ему подчиниться, потому что избавление от горя лежит не в нем самом, а за ним, и путь к избавлению один – через горе.

Эти слова утешали, но практической пользы от них было чуть. Подобно многим своим согражданам, Эми и Ник все брели и брели через горе, а избавления все не было и не было.

Эми сидела за стойкой, рассеянно глядя сквозь сизые облака табачного дыма на поблескивающий пивными лужицами столик, за которым Ник со своими друзьями играли в брэг. В тот момент, когда Ник потянулся за кружкой, чтобы сделать очередной глоток, с улицы донесся звук остановившегося автомобиля.

Эми не пошевелилась, даже не перевела взгляд, но все ее внимание сосредоточилось на звуке вхолостую работавшего мотора. Ни голосов, ни шелканья открываемой дверцы, только ровное урчание мотора. Это было похоже на тишину.

Затем послышался скрежет включенного сцепления – включенного лениво или неумело, а может, устало? – и машина стала медленно отъезжать. Сквозь матовые нижние половинки оконных стекол Эми увидела, как вспыхнули задние стоп-сигналы, когда водитель притормозил под аркой, затем он свернул, направляясь на стоянку. Обостренные чувства Эми следили за машиной, как радар ПВО – за ракетой. Рокот мотора смолк.

Эми встала с табуретки, подняла откидную доску стойки и подошла к окну, посмотреть, что там делается. Если Ник и заметил ее действия, он ничем этого не показал. Карточная игра продолжалась. Один из приятелей Ника раздавил окурочек в пепельнице и достал из пачки новую сигарету.

Эми прижалась лбом к холодному запотевшему стеклу, протерла пальцами прозрачный глазок и посмотрела на улицу. Блестящая от недавнего дождя Истбурн-роуд исполосована подсыхающими следами автомобильных колес. Рваные клочки оранжевого света уличных фонарей отражаются от неровной мостовой, от окон и витрин на другой стороне улицы. Кое-где витрины светятся, но по большей части либо закрыты стальными ставнями, либо попросту пустуют.

Эми смотрела на проезжающие мимо машины, пытаясь понять, как же это могло получиться, что звук одного-единственного притормозившего автомобиля так резко выделился из непрерывного гула всех прочих. Скорее всего, это значило, что она находится в непрерывном напряжении, что приезд американки обрел для нее некий личный смысл.

Она вернулась за стойку, опустила откидную доску, а затем вышла в задний коридор, тянувшийся параллельно бару. В дальнем конце коридора располагались комнаты, где они с Ником жили и спали. Непосредственно рядом с дверью в бар была крошечная кухня, где они готовили для себя, а заодно и ели. Эми не свернула ни туда ни сюда, а пошла прямо к двустворчатой двери пожарного выхода. За дверью, выходящей на зады гостиницы, располагалась парковка.

Эми включила охранные прожекторы, и они затопили все вокруг въедливым, неестественно белым светом. Забрызганная дождем машина стояла наискось к белым линиям разметки; вышедшая наружу женщина наклонилась у распахнутой задней дверцы и что-то там доставала. Потом она шагнула назад, выпрямилась и поставила на асфальт две небольшие сумки.

Эми подошла к женщине в тот самый момент, когда та открыла багажник. В багажнике лежало еще несколько сумок, больших и поменьше.

– Миссис Саймонс? – спросила Эми.

– Я покажу вам ваш номер, – сказала Эми, обгоняя американку на середине лестницы; ответом ей была благодарная улыбка.

Миссис Саймонс выглядела младше, чем Эми ожидала, но по сути-то эти ожидания основывались практически ни на чем: американский адрес, письмо синей шариковой ручкой на какой-то необычной бумаге, чуть-чуть непривычная лексика и структура фраз. За формальной, старательно выдержанной вежливостью письма смутно маячил образ почтенной матроны пенсионного или около того возраста. Все оказалось совсем не так. Миссис Саймонс была очень привлекательна и словно не имела возраста наподобие некоторых телевизионных актрис. Эми на мгновение почудилось, что эта женщина ей знакома, что она когда-то видела ее на экране или еще где. Сквозь безупречную оболочку явственно проступала тяжелая, с ног валящая усталость, ничуть не удивительная для женщины, только что перенесшей трансатлантический перелет, но все равно она держалась свободно и раскованно, что позволяло и Эми расслабиться. Миссис Саймонс обещала оказаться куда более интересной личностью, чем обычные их постояльцы – пенсионного возраста парочки, проводившие в Булвертоне выходные, да люди, приезжавшие по разным делам и останавливавшиеся на одну ночь.

Эми провела ее на второй этаж, в двенадцатый номер, где еще с утра все проверила, застелила свежее белье и включила отопление. Она вошла в комнату первой, включила верхний свет, а затем распахнула дверь ванной для осмотра. Американцы слыли очень привередливыми по части порядка в гостиничных ваннах.

– Я схожу позабочусь о вашем багаже, – сказала Эми, но не услышала ответа – миссис Саймонс уже удалилась в ванную.

Эми вышла из номера и прикрыла за собой дверь.

Спустившись в бар, Эми сразу же сообщила Нику о приезде миссис Саймонс, но к этому времени он уже выпил больше, чем следовало бы, – свою обычную порцию, неизменно оказывавшуюся больше, чем следовало бы, – и ограничился тем, что пожал плечами.

– Ты бы не мог отнести ее вещи из машины в номер? – спросила Эми.

– Да, только подожди минутку, – ответил Ник и показал ей в качестве объяснения свои карты. – И вообще, откуда она взялась? Ты же вроде ничего не говорила, что кто-то там сегодня заедет.

Ник выкинул на стол очередную карту. Сдерживая мгновенно вспыхнувшее раздражение, Эми прошла к машине, забрала оставшиеся там вещи и поволокла их на второй этаж.

– Поставьте прямо здесь. – Тереза Саймонс указала на угол комнаты. – Неужели вы сами все это тащили?

– Ерунда, – отмахнулась Эми. – И я все равно собиралась к вам зайти. Вы не хотели бы перекусить, поужинать? Мы кормим гостей, не придерживаясь расписания, так что мне это не составит никакого труда.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Я завернула по пути в один из придорожных ресторанов. А вот бар у вас тут есть?

– Да.

– Я отдохну немного, а потом, если будет настроение, спущусь и чего-нибудь выпью.

Вторично вернувшись в бар, Эми увидела, что Ник прошел за стойку и цедит себе очередную пинту лучшего бочкового.

– Так почему ты ничего мне о ней не сказала? – спросил он, поднося кружку к губам и шумно втягивая пену.

– Я думала, ты сам увидишь по регистрационной книге.

– Да что ты, лапа, я оставляю все это на твое попечение. А сколько она думает тут прожить? До завтра? Неделю?

– Номер был заказан на неопределенное и уж точно долгое время.

Против ее ожидания Ник не выказал ни восторга, ни удивления, а только заметил:

– Если так, то нужно будет выписывать ей счет в конце каждой недели. Лучше уж перебраться.

Эми нахмурилась и вышла следом за Ником из-за стойки.

Она собрала со столиков немногочисленные грязные стаканы. Поменяла Нику и его друзьям пепельницу. Вернувшись за стойку, перемыла все стаканы под сильной струей воды и расставила их на резиновом поддоне сушилки. Она думала о Нике с его непрерывной пьянкой, о том, как засосала его бесцельная, бессмысленная жизнь, когда один день перетекает в другой без всяких улучшений и изменений. Ну а что бы еще можно было ему предложить? Более того, что бы еще можно было предложить ей самой? Ее родители умерли, Джейс погиб, многие ее друзья уехали в Брайтон, Дувр или Лондон – куда угодно, лишь бы прочь из Булвертона – в надежде начать новую жизнь. За последние месяцы из города уехало много людей. В ней крепло желание последовать их примеру.

Две недели назад Эми получила письмо от своей двоюродной сестры Гвинет, которая десять лет назад уехала в Австралию подработать на каникулах, влюбилась в молодого строителя и решила не возвращаться. Она вышла замуж, получила австралийское гражданство и обзавелась двумя маленькими детьми. Эми с Гвинет обменивались письмами нечасто, последний раз это было где-то прошлой зимой. В новом письме сестры сквозила озабоченность, как-то живет теперь Эми в своем Булвертоне. Подобно многим людям со стороны, она явно боялась хоть словом упомянуть постигшую городок катастрофу. Гвинет не в первый уже раз уговаривала Эми слетать на отпускное время в Австралию и посмотреть, как ей понравится Сидней. Она писала, что у них есть свободная комната, что живут они в полчаса езды от центра, а до гавани и прекрасных серфинговых пляжей от них вообще несколько трамвайных остановок...

– Привет.

Эми вздрогнула и удивленно вскинула глаза; она почти уже забыла, что американка думала спуститься в бар.

– Извините, – сказала Эми, – я тут так задумалась, что и забыла, где нахожусь. Налить вам что-нибудь?

– Да, пожалуйста. У вас есть бурбон?

– Есть. Вам со льдом?

– Со льдом. И пусть, пожалуй, будет двойной.

Эми отвернулась, сняла с полки стакан и налила двойной бурбон.

Когда она снова повернулась, миссис Саймонс уже сидела на одном из высоких табуретов, наклонившись вперед и упираясь локтями в стойку. Выглядела она устало, но, похоже, начинала уже отходить.

– В общем-то я думала, что сразу усну и не проснусь до утра, – сказала она, сделав первый глоток. – А потом вдруг осознала, что сижу в незнакомой комнате в тысячах миль от дома и что сна ни в одном глазу. Думаю, я все еще вроде как в том самолете.

– Вы впервые в Англии?

– А это хорошо или плохо? Будем считать ваш вопрос комплиментом, – криво усмехнулась миссис Саймонс, взяла стакан, собираясь, по-видимому, глотнуть еще, но потом передумала и опустила его на стойку. – Моя мать была англичанкой, и родилась я здесь, на островах. Так что в этом смысле я англичанка. Отец у меня был военным, летчиком. Не знаю уж, какой термин для этого у вас, но у нас в США таких, как я, называют военно-воздушными ублюдками. Моя мама вышла за папу, когда он служил на одной из здешних авиабаз... Тогда ведь здесь стояло много наших частей. Он был родом из Виргинии. Вы когда-нибудь слышали про такой город Ричмонд?

– Да, слышала. А ваши родители, они еще живы?

– Нет. И уже давно, – добавила американка, вскинув и тут же опустив глаза. – Я постоянно их вспоминаю, но теперь уже...

– А у вас сохранились воспоминания об Англии?

– Я была тогда совсем еще маленькой да к тому же редко покидала базу. Вы же знаете, как это принято у американцев, они не любят расставаться со знакомой обстановкой. Мой папа, он тоже был из таких. Мы жили на базе, ходили на базу в магазины, ели на базе гамбургеры и мороженое, смотрели на базе кино, и все друзья моего папы, они тоже были с базы. Мама возила меня время от времени в Биркенхед, к бабушке и дедушке, но эти поездки мне почти не запомнились. Слишком уж я была маленькая. Я выросла в США. Так я и говорю, когда меня спрашивают, потому что чувствую: там и есть моя родина.

У американки была характерная манера, возможно обостренная ее усталостью: она часто поглаживала себя за левым ухом и чуть пониже затылка. Шелковый шарфик не давал понять, что у нее там, больное место или что. Скорее всего, просто одеревенела во время полета и поездки шея.

– Так вы приехали отдыхать? – спросила Эми.

– Нет. – Стакан уже опустел, и американка машинально вертела его в руке. – Я хочу здесь поработать. А можно, я вас угощу?

– Да нет, не стоит. Спасибо.

– Вы уверены? Ладно, а я возьму еще один двойной, и хватит. Я ведь и в самолете пила, но там это как-то совсем не чувствуется. Не чувствуется, пока не пойдешь в туалет, а там начинает казаться, что самолет не ровно летит, а скачет, как лошадь. Но все это было давно.

Она обхватила ладонями свеженаполненный стакан.

– Огромное спасибо. Кажется, я слишком разболталась. Но это только сегодня, обычно я не такая... Хочу лечь в постель и уснуть, а сейчас у меня это просто не получится, если не приму предварительно пару порций. – Обводя взглядом почти опустевший бар, американка на мгновение приоткрыла шею. – А чем тут у вас люди в основном занимаются?

– Да ничем таким особенным, – пожалала плечами Эми. – Многие переезжают сюда, когда выходят на пенсию. Если прогуляться в сторону Бексхилла, увидите там много больших старых зданий. Все они, за немногими исключениями, превращены теперь в дома для престарелых. Работы в городе почти нет.

– А есть тут на что посмотреть? Ну, всякие там места, которые показывают туристам.

– Когда туристы сюда еще ездили, все они восхищались нашим Старым городом. До него тут рукой подать. На задах гостиницы, где вы поставили машину, проходит дорога, ведущая от побережья вверх. По ней вы попадете на базарную площадь, в самое сердце Старого города.

– А музей тут какой-нибудь есть?

– Маленький. Еще один есть в Бексхилле и пара – в Гастингсе.

– Краеведение, и всякое такое?

– Я давно не бывала ни в каких музеях, так что толком и не помню, но вроде бы так.

– А есть тут какая-нибудь газетная редакция, где я могла бы навести справки?

– Да, «Курьер». В Старом городе есть контора, где они принимают заказы на частные объявления. Но редакция у них не здесь, а вроде бы в Гастингсе. А может, даже в Истбурне. Завтра утром я попробую для вас разузнать.

– Так эта газета печатает не только местные новости? В смысле, что не только про Булвертон?

– Наш город слишком уж маленький, чтобы иметь свою отдельную газету. Ее настоящее название – «Бексхиллский и булвертонский курьер», но все говорят просто «Курьер». И она тут единственная на все побережье вплоть до залива Певенси.

– Понятно. Большое спасибо... Я ведь так и не знаю вашего имени.

– Эми. Эми Колвин.

– Очень приятно познакомиться, Эми. А меня зовут Тереза.

Тереза встала, пояснив, что пора бы и на боковую; Эми еще раз спросила, все ли в ее номере в порядке, и услышала, что да, все в полном порядке.

Уходя, Тереза сказала:

– Извините, что я спрашиваю, но что это у вас за такой интересный акцент?

– Акцент? – изумилась Эми. – Ну, наверное... я в смысле, что, наверное, мы все тут так говорим. Ничего такого особенного.

– А вот мне очень нравится, как вы говорите. Ладно, утром увидимся.

Глава 3

В самом первом своем «Экс-экс»-сценарии² Тереза играла роль свидетельницы. Вот так это делалось в Бюро. Ты к ним поступал, они прорабатывали твое досье, а там и глазом не успеваешь моргнуть, как вдруг оказываешься в ситуации, где все готово взорваться.

Главное для свидетеля, говорили инструкторы, это заранее, до начала активных действий, четко решить, где ты будешь находиться. Ведь ты должен *свидетельствовать*, находиться достаточно близко и увидеть достаточно много, чтобы составить потом толковый отчет, но, с другой стороны, тебе нужно выжить. В Бюро было не принято рассказывать о предстоящих событиях слишком уж подробно, а потому все, чему научили Терезу и всех остальных перед их первым знакомством с «Экс-экс», ограничилось способом прервать при нужде сценарий.

– Да вам, собственно, и не нужно знать, как выйти, – сказал им инструктор, специальный агент Дэн Казинский. – Прерывать самостоятельно приходится только тому, кто сумеет выжить. Но я все равно вам покажу.

И он обучил их одной из этих мнемонических аббревиатур, столь нежно любимых инструкторами: LIVER. *Locate, Identify, Verify, Envision, Remove*³.

– Но у вас все равно ничего не получится, – сказал Казинский. – Позднее – может быть, но пока и не надейтесь.

Первое экстремальное переживание длилось ровно семь секунд, и все это время Тереза не могла опомниться от оглушительного наплыва впечатлений, как телесных, так и ментальных.

Мгновение назад она была в Кантико, в прохладной, скупо освещенной «Экс-экс»-лаборатории учебного центра и вдруг оказалась на залитой ярким полуденным солнцем улице. Она покачнулась и чуть не упала под непривычным весом тела этой, другой женщины.

Шум уличного движения ворвался в уши, как взрыв. А хуже всего – душающая жара. Ее угрожающе обступили высокие, в десятки этажей, здания делового центра. По тротуарам текли людские потоки. Где-то завывала сирена, рабочие-строители чем-то звякали, разногласо гудели автомобили.

Тереза озиралась по сторонам, оглушенная правдоподобием поддельной реальности.

Нахлынула информация. Она находилась в Кливленде, штат Огайо, на Восточной 55-й стрит между Сьюпериор-авеню и авеню Эвклида. Дата: 3 июля 1962 года. Время: 12.17, чуть за полдень. Ее звали Мэри-Джо Клегг, возраст двадцать девять, адрес...

Но первые пять секунд уже прошли. Тереза взяла себя в руки, готовясь к самому худшему, и отступила в укрытие ближайшего дверного проема.

Из двери вышел человек с пистолетом и выстрелил ей в лицо.

Вход в экстремальный сценарий был почти мгновенным, выход и реабилитация после виртуальной смерти проходили медленно и мучительно. Уже завтра Тереза должна была явиться к агенту Казинскому для продолжения тренировок. Весь остаток предыдущего дня и большую часть ночи она провела в клинике, проходя курс восстановительной терапии, так что поспать ей удалось не больше трех часов. Выжатая как лимон, полностью деморализованная, она была абсолютно уверена, что никогда и ни за что не рискнет повторить такой эксперимент.

² «Экс-экс» (ExEx) – сокращение от Extreme Experience (англ.) – экстремальный (пределный) опыт (переживание).

³ Определить местонахождение, Распознать, Удостовериться, Представить себе, Удалить (англ.). В то же время liver (англ.) – печень.

И в этом не было ничего исключительного: двое других стажеров вообще не пришли и были тут же вычеркнуты из списка. Те, что пришли, выглядели ничуть не лучше Терезы; ей хотелось обменяться с ними впечатлениями, но времени на это не было. Казинский тут же объявил, что всем им предстоит новый заход по тому же самому сценарию. Для некоторого упрощения задачи они получают более полную информацию о происшествии, каким оно было на самом деле.

Если в первый раз Тереза должна была вжиться в роль свидетельницы без всякой подготовки, за немногие секунды, оставшиеся до инцидента, то теперь она получила довольно подробную характеристику персонажа. Ей были предоставлены не только фактические детали, касавшиеся Мэри-Джо Клефт, но и кое-что о складе ее личности. Кроме того, и это очень важно, ее проинформировали, что Мэри-Джо не только выжила, но даже почти не пострадала. Именно эта женщина сумела описать банковского грабителя, а потом и отобрать его при опознании, чем фактически вынесла ему смертный приговор. Заодно Тереза получила краткую справку по человеку с пистолетом. Вилли Сантьяго, тридцатичетырехлетний рецидивист, имел на своем счету десятки вооруженных ограблений. Сантьяго столкнулся с Мэри-Джо, покидая очередной ограбленный им банк. Он застрелил одного из кассиров и теперь убегал от банковских охранников. Полицейские получили сигнал тревоги и уже неслись к месту событий.

В тот же день, поближе к вечеру, Тереза снова вошла в этот сценарий. Она была полна дурных предчувствий и дрожала от ужаса перед тем, что практически наверняка должно было с ней случиться.

Она оказалась в Кливленде при точно тех же обстоятельствах, что и в первый раз. На нее обрушилась та же самая масса ощущений: шум, жара, уличная сутолока. Единственным новым элементом был панический, загодя нахлынувший ужас. Увидев дверь банка, она мгновенно осознала, какая опасность за нею таится, а также свое собственное бессилие, свою неспособность себя защитить. Она резко повернулась и со всей доступной ей скоростью припустила прочь. Сантьяго выскочил из двери и побежал по Восточной 55-й в противоположном направлении, расчищая себе дорогу выстрелами. Полицейские схватили его буквально через пару минут, но за это время он успел ранить двоих прохожих. Три часа кряду Тереза бродила по центральным кварталам Кливленда, напрочь не понимая, что же ей делать дальше. Она позабыла всю свою подготовку, всю эту мнемонику и аббревиатуры. Ее ошеломляло безупречное правдоподобие виртуальной реальности, невероятно точная проработка всех ее деталей и, по всей видимости, бескрайняя протяженность. Этот мир населяли тысячи реально выглядевших людей, в нем разворачивалась бесконечная череда разнообразнейших жизненных событий: Тереза полистала газеты и даже нашла бар с включенным телевизором; по телевизору как раз показывали репортаж об ограблении банка на Восточной 55-й стрит. Вхождение Терезы в сценарий началось с паники, прошло через недолгий период облегчения (на этот раз Сантьяго ничего ей не сделал) и закончилось все той же паникой: она совсем уже было уверилась, что навечно застряла в Кливленде 1962 года, среди чужих, абсолютно незнакомых людей, без денег, без крыши над головой и главное – без малейшей надежды вернуться в свое пространство и время. Это было жутко, это было невыносимо, однако Тереза в своем полном психическом истощении уже не видела никаких других вариантов. В ее мозгу ни разу не всплыла аббревиатура LIVER, ей ни разу не вспомнилось, что же нужно с ней, с этой аббревиатурой, делать.

В конце концов Казинский пожалился и поручил персоналу клиники вытащить безнадёжно растерявшуюся Терезу из сценария.

Она явилась в Академию на следующий день в еще худшем, чем прежде, физическом и психическом состоянии, с заявлением об отставке, заранее написанным на официальном бланке Бюро.

Дэн Казинский взял заявление, прочитал его, аккуратно сложил вчетверо и спрятал в карман.

– Агент Граватт, – начал он ровным, официальным тоном. – Меня ничуть не тревожит, что вы убежали, уклонение от контакта считается вполне допустимым маневром. Однако в реальном происшествии, на основе которого составлен сценарий, мисс Клегг успела подробно рассмотреть преступника, что и помогло впоследствии его осудить. Вам это не удалось. Я даю вам суточный отпуск. Отдохните и приходите завтра в это же время.

– Благодарю вас, сэр.

Тереза пошла домой, позвонила Энди и рассказала ему, как все было, – и про свое заявление, и что сказал Казинский. Энди – они с ним уже договорились пожениться, до намеченной свадьбы оставалось два месяца – уже проходил через «Экс-экс»-тренировки, а потому понимал ее состояние; его советы и поддержка очень ей помогли.

В следующий раз она никуда не побежала, а когда Сантьяго выскочил из двери, постаралась рассмотреть его лицо. Он ее застрелил.

В следующий раз она мельком взглянула на Сантьяго, а затем бросилась ничком на тротуар. В результате она не только не сумела его запомнить, но и схлопотала пулю в открытый всем непогодам затылок.

В следующий раз она перешла к активным действиям: бросилась на Сантьяго и попыталась повалить его, используя приемы, которым ее обучали на занятиях по рукопашному бою. Последовала короткая яростная схватка, в итоге он опять ее застрелил.

Каждый следующий раз был хуже предыдущего; хотя Тереза сохраняла свою индивидуальность – она никогда ни на секунду не начинала считать себя Мэри-Джо Клегг – страх, боль и психическая травма раз за разом переживаемой смерти перехлестывали все пределы. Период физической и ментальной реабилитации, составлявший вначале несколько часов, удлинился до двух дней; с курсантами такое бывало, и не так уж редко, но в результате попусту растратилось дорогое время. Тереза понимала: ей нужно либо справиться с ситуацией, либо честно признать, что этот курс ей не под силу.

При следующем заходе она последовала многократно повторявшемуся совету Казинского и попыталась подчинить свое поведение произвольным реакциям настоящей Мэри-Джо. В реальном, исходном происшествии Мэри-Джо, конечно же, и знать не знала, что сейчас из банка выскочит человек с пистолетом, и реагировала на все происходящее спонтанно, без всякого плана.

Терезе едва хватило времени, чтобы войти в роль Мэри-Джо. Она прошла по улице четыре шага, и тут из двери появился Сантьяго. Мэри-Джо удивленно оглянулась, увидела в его руке пистолет, и тут инстинкты Терезы снова взяли свое. Она бросилась прочь, подставив себя под пули Сантьяго. На этот раз он убил ее со второго выстрела.

Следующий, седьмой заход увенчался наконец успехом. Тереза полностью подчинилась реакциям Мэри-Джо: она удивленно оглянулась на выскочившего Сантьяго, а затем вскинула руку и шагнула вперед. Сантьяго выстрелил, но так как агрессивная реакция безоружной женщины застала его врасплох, выстрел оказался неудачным. Терезе обожгло лицо пороховыми газами, она едва не оглохла от грохота, но пуля прошла мимо. Затем она бросилась в сторону, упала на мостовую и краем глаза увидела убежавшего Сантьяго. Мгновение спустя из двери появились два банковских охранника, один из них нагнулся и помог ей встать. На том сценарий, собственно говоря, и закончился – Тереза выжила и сохранила в памяти внешность преступника.

Тренировки продолжались неделю за неделей. Казинский и другие инструкторы постепенно переводили Терезу от одной роли к другой: от свидетельницы к ничего не заметившему прохожему, к жертве преступления, к охраннику, к преступнику, к офицеру полиции или феде-

ральному агенту. В одном случае Тереза была заложницей, в другом ей выпало вести переговоры с преступником.

Труднее всего приходилось тогда, когда ход и грядущая развязка событий были отнюдь не очевидны, когда сценарий начинался задолго до своей кульминации. В одной особо запомнившейся цепочке событий Тереза, игравшая роль тайного агента полиции, поджидала преступника в каком-то вполне заурядном баре; это происходило в 1981 году в одном из пригородов Сан-Антонио. Ей пришлось сидеть там два часа кряду, ежесекундно понимая, что первый удобный случай неизбежно будет и последним. Когда бандит – уроженец Хьюстона по имени Чарльз Дейтон Хантер, бывший на тот момент в первой десятке преступников, разыскивавшихся ФБР, – ворвался в бар, Тереза сняла его первым же выстрелом.

Позднее Терезе довелось пообщаться с некоторыми из прямых участников событий. В частности, через месяц после завершения сценария по Сантьяго ее свозили в Кливленд на встречу с Мэри-Джо Клегг. Мэри-Джо было уже под семьдесят; прирабатывая таким образом на Бюро, она получала пусть небольшую, но отнюдь не лишнюю добавку к своей пенсии. Кошмар, пережитый этой скромной работницей муниципалитета в 1962 году, ничуть не отразился на ее психике, она не считала свою роль в аресте и осуждении приснопамятного Вилли Сантьяго сколько-нибудь существенной – все, казалось бы, хорошо, однако Терезе было неловко находиться в обществе женщины, чей давний ужас она ощущала как свой, чья многократная смерть была свежа в ее памяти.

Глава 4

На момент булвертонской бойни Ник Сертиз жил в Лондоне. Психическая травма изгладилась из его памяти все бытовые подробности, но он твердо знал, что провел тот день в своей конторе, по соседству с Марбл-Арч.

А потом рабочий день остался позади, и он вел машину по эстакадной секции Вестуэя, направляясь из Лондона в Эктон, к себе домой. Погода стояла очень жаркая. Чтобы хоть как-то справиться с духотой, он опустил все стекла и включил вентилятор. Тихо, почти на пределе слышимости бубнил приемник. Ник никогда не врубал приемник в машине на полную, и по вполне основательной причине: садясь за руль, он тут же начинал думать. Нет, не о чем-нибудь серьезном, просто половина его сознания следила за дорогой и дорожным движением, а другая половина уходила в себя, погружалась в некое состояние общей задумчивости, что помогало ему хоть немного снять стресс рабочего дня. Громкие звуки – будь то музыка, трескотня диск-жокеев или более серьезные, настоятельные голоса дикторов, читающих выпуски новостей, – мешали этому процессу. Поэтому Ник устанавливал такую громкость, чтобы только-только различить при случае ключевые слова, на которые было настроено его сознание, – что-нибудь вроде «водители в Западном Лондоне» или «эстакадная секция Вестуэя».

В этот вечер сквозь фоновые шумы вдруг прорвалось неожиданное слово: «Булвертон».

Ник потянулся к приемнику, но еще прежде, чем он успел прибавить громкость, из динамика прозвучали невероятные, оглушающие слова: «...тихий приморский городок подвергся полному опустошению...»

Дальнейшее он слушал на полной громкости; по словам диктора, в центре города взбесился, иначе не скажешь, некий вооруженный человек, он стреляет в любого, кто попадается ему на глаза, в каждую едущую машину. Ситуация остается неопределенной: полиция все еще не может ни разоружить убийцу, ни пресечь его действия, неизвестно даже то, где он сейчас находится. Количество убитых оценивается как большое. Дальнейшие новости будут сообщаться по мере поступления. Тем временем населению настоятельно рекомендуется не посещать Булвертон и пользоваться объездными дорогами.

Затем другой ведущий пустился в длинные и явно неподготовленные рассуждения о том, достаточно ли строго контролируется в Англии продажа оружия, о полном запрете едва ли не всех разновидностей огнестрельного оружия, о том, как лоббисты стрелковых и охотничьих клубов пытались, но не смогли внести в закон смягчающие поправки и о безуспешных попытках обжаловать его в Европейском суде. Далее в эфир вывели корреспондентку Би-би-си, «находящуюся на месте событий». В действительности она звонила из Гастингса, что в нескольких милях от Булвертона, и при всей театральной проникновенности своего голоса мало что имела добавить. По ее мнению, количество жертв измерялось двузначным числом; судя по всему, погибли и несколько полицейских. Ведущий спросил, есть ли среди пострадавших дети, на что корреспондентка ответила, что таких сведений не поступало.

Затем пошла положенная для этого времени информация о дорожном движении, но и над ней нависала тень Булвертона. Водителям настоятельно рекомендовалось не пользоваться участком дороги A259 между Гастингсом и Истбурном и вообще, до специального извещения, держаться от этих мест подальше. Все въезды в Булвертон были наглухо перекрыты. В ближайшее время, сказал диктор, поступит дальнейшая информация.

Все это время Ник так и двигался в медленном из-за часа пик дорожном потоке, уставив пустой, бессмысленный взгляд в багажник едущей впереди машины. Все, что он делал, он делал механически, откладывая эмоции до момента, когда станет окончательно ясно: то, что он сейчас слышит, – правда. Ведущий заговорил о чем-то другом, и тогда он вынул из бардачка

мобильник и набрал номер родителей. После короткой, как бывает при сотовом соединении, паузы последовала серия длинных безответных гудков.

Он дал отбой и набрал номер снова – на случай, если в тот раз была какая-нибудь ошибка. Ответа так и не было.

Это могло значить все, что угодно. То, что родителей нет дома и вообще в гостинице, могло объясняться вполне будничной причиной: они довольно часто ездили в Бексхилл или Истбурн за всякими мелкими покупками, эти вылазки были таким обычным делом, что Ник редко когда звонил с работы или из машины. С другой стороны, к этому времени им бы давно пора вернуться. Но они могли и просто выйти куда-нибудь из дома. Или он все-таки неверно набрал номер. Ник подождал очередной остановки на красный и начал медленно, с предельным вниманием нажимать кнопки мобильного. Длинные, заунывные гудки.

Фантазия Ника словно сорвалась с привязи, рисуя самые страшные картины. Они могли услышать стрельбу и броситься к окну посмотреть, – или, что еще хуже, выбежать на улицу – и оказаться под градом пуль. Отец ведь всегда во все вмешивается, нет чтобы здраво оценить опасность и держаться от греха подальше.

Все это было дико, невероятно. Ведь всякие ужасы, о которых говорят по радио, имеют обыкновение происходить с другими людьми, во всяких таких местах, где ты никогда не бывал, а если и бывал, то все равно тебя они никак не касаются. Первое же нарушение этих хрупких надуманных правил оставляет тебя эмоционально незащищенным.

Ник не мог поверить, что это случилось в маленьком скучном городке, где он родился и вырос, где живут десятки и сотни его знакомых. У него в голове не укладывалось, что этот кошмар происходит прямо сейчас, что ему, как и многим другим людям, придется теперь жить с этим кошмаром, что он уже стал одним из пострадавших, пусть даже и косвенно.

Радиопрограмму прервали снова, ради телефонного звонка из района разворачивающейся трагедии. Звонил некий полицейский чин, но тут же выяснилось, что и он звонит не с места событий, не из Булвертона. Было ясно, что стрельба в Булвертоне становится главной, если не единственной, темой новостей. Мало-помалу репортерская служба Би-би-си сориентировалась в происходящем, информация пошла более внятная, а оттого и более устрашающая.

Ник переключился на другую станцию, затем на третью, четвертую в иррациональной надежде услышать что-нибудь еще, что-нибудь лучшее, что-нибудь, что смягчит потрясение. Само собой, тут же выяснилось, что внимание всех лондонских и общенациональных станций сосредоточено на Булвертоне. Судя по всему, они передавали репортажи о различных стадиях, по сути, одного и того же происшествия. Ник вернулся на Би-би-си; все это время он вел машину рефлексивно, почти не видя дороги и не осознавая своих действий. Он догадывался, что водители других машин тоже слушают сейчас новости, но почти для каждого из них это нечто далекое, происходящее в городе, о котором они едва слышали. На их лицах не было и следа эмоций. Да слушают ли они? Или нет, а он единственный, кого все это интересует? Все вокруг стало нереальным, нереальность накатывала тяжелыми маслянистыми волнами.

Ник жил сейчас в Лондоне один, но у него была подруга по имени Джоди Куэннел. Они с Джоди встречались каждый уик-энд и изредка по будням. На тот злосчастный вечер у них было условлено встретиться, вместе поужинать и выпить, он хотел бы связаться с ней, но не мог. В этот момент Джоди тоже ехала с работы домой, а мобильного у нее не было. Нужно будет позвонить ей позднее. Ник отвлекся на несколько секунд, воображая разговор с Джоди, но затем его мысли вернулись к тихим улочкам родного города и к тому, что вот прямо сейчас в людях, среди которых наверняка есть и его знакомые, стреляет какой-то маньяк.

В конце концов Ник добрался до развязки Хангарлейн, где Северная окружная пересекает А40. Сделав левый поворот, он направился на юг, однако и тут шоссе было забито. Он пытался продумать все наперед, разобраться, как лучше проехать из этого района Лондона на побережье, поближе к Бексхиллу, но радио все время его отвлекало. В общем-то он ездил

туда десятки раз, но, как правило, выезжал попозже, когда движение не такое плотное. Было нетрудно себе представить, что творится сейчас на М25. Ездить в таких условиях чистая мука, а он и так был на грани нервного срыва.

Ник был единственным ребенком Джеймса и Микаэлы Сертиз. Его родители жили и работали в «Белом драконе» едва ли не всю свою сознательную жизнь, сперва – как распорядители от крупной пивоваренной фирмы, а позднее, когда головная компания стала освобождаться от тех торговых точек, что поплоше, – и как хозяева.

Все эти годы Булвертон медленно, но неуклонно приходил в упадок, но они никак не могли с этим смириться и упорно старались сделать свое заведение прибыльным. То, что было на момент смены владельца совершенно никудышным, ну, разве что большим трактиром на не шибко фешенебельной части побережья, мало-помалу приводилось в порядок и приспособлялось к требованиям времени. Когда стало окончательно ясно, что Булвертону не быть популярным курортом, Джеймс Сертиз принял довольно отчаянное решение повысить статус «Белого дракона», перейти на обслуживание более состоятельной клиентуры – бизнесменов и туристов, приезжающих на выходные. Все комнаты для постояльцев были отремонтированы и наново обставлены, получили спутниковое и кабельное телевидение, факс, Интернет, сотовую связь и оборудование для телеконференций, в гостинице появился небольшой, но прекрасно оборудованный конференц-зал. Во всех номерах были центральное отопление и кондиционеры, ваннные комнаты с игольчатым душем и гидромассажем и так далее, и так далее. Джеймс Сертиз даже нанял на некоторое время высококлассного шеф-повара, и тот, если верить его собственным словам, подобрал лучший, даром что маленький, винный погреб на всем южном побережье.

И все практически впустую. Местная экономика была слишком вялой для гостиницы такого рода; отдельные удачные сезоны – а такие тоже выдавались – никак не меняли общей тенденции к упадку. В то же самое время пивной бар как был, так и оставался популярным среди местных выпивох, и было бы по меньшей мере неразумно расставаться с самой устойчивой и прибыльной частью бизнеса. В том, что касается выбора желаемой клиентуры, «Белый дракон» страдал явным раздвоением личности.

Эти прискорбные обстоятельства если и волновали Ника, то лишь в очень малой степени, хотя ему ли было не знать, сколько труда, не говоря уж о деньгах, ухлопали его родители, чтобы довести «Дракона» до ума. В детстве он, как и любой ребенок, воспринимал все, что делают взрослые, как само собой разумеющееся. Позднее, уже старшеклассником, Ник узнал от отца, что со временем семейный бизнес перейдет к нему, но на тот момент его больше волновали свои собственные подростковые заморочки. Хотя он был в общих чертах знаком с техникой гостиничного дела и регулярно, по уик-эндам и вечерам, помогал родителям, сердце его к этому занятию не лежало.

Школьные учителя считали Ника безнадежным лентяем, однако в старших классах он вдруг взялся за ум. Причиной тому послужили компьютеры. Несколько лет Ник занимался на них всякой ерундой, затем увлекся программированием и сам не заметил, как увлечение перешло в самую натуральную одержимость. Программирование давалось ему так же легко и просто, как некоторым его одноклассникам – иностранные языки, и вскоре Ник уже твердо знал, чем будет заниматься после школы. Жаль вот только, что в Булвертоне подходящей для него работы не было, не было вчистую.

А работа в гостинице день ото дня казалась ему все тяготнее, он был уже близок к тому, чтобы поссориться с родителями. Ситуация разрешилась, когда Ник прочел в «Курьере» объявление некой лондонской фирмы, приглашавшей на работу компьютерщиков; он послал свое резюме и буквально через несколько дней получил место программиста.

Как большинство молодых булвертонцев, Ник мечтал вырваться из родного города: эта его мечта сбылась быстро и неожиданно. Обосновавшись в Лондоне, он ощутил себя заново рожденным; воспоминания о сассекской жизни быстро уходили в тень, теряли рельефность.

На первых порах Ник приезжал к родителям едва ли не на каждые выходные, но шло время и эти визиты становились все реже и реже, все короче и короче. Через три года он получил повышение и стал начальником отдела. Он купил себе квартиру, затем сменил ее на отдельный, пусть и маленький дом, затем на дом побольше. Он женился, прожил с женой три года и развелся. Перешел в другую фирму на более ответственную должность, его зарплата значительно выросла. Пополнел и начал лысеть. Он слишком много пил, тратил слишком много денег на еду, вино и развлечения, в его ближайшем окружении было слишком много женщин. О Булвертоне он почти не вспоминал.

А тем временем родители его старели, хлопоты по гостинице становились для них почти непосильными, и если отец еще как-то держался, то здоровье матери вызывало серьезные опасения. Ник все чаще слышал от родителей, что пора бы им отойти от дел; спорить тут было не о чем, но только как быть дальше? День ото дня этот вопрос становился все более острым, ведь Ник прекрасно знал, почему родители так упорно продолжают работать. Их банковский счет был почти на нуле, все свои прошлые доходы они вложили в гостиницу.

Никто ничего не говорил, но атмосфера явственно сгущалась. Ник знал – родители хотят услышать, что он скоро вернется в Булвертон и возьмет все заботы о гостинице на себя, но к этому времени он уже прочно обосновался в Лондоне и было трудно придумать что-нибудь более противоположное его желаниям. Как часто бывает с серьезными семейными проблемами, ничего конкретно так и не было решено, а между тем недели складывались в месяцы, месяцы в годы...

Пока не пришел тот душный июньский день, когда все вдруг изменилось.

Новости из Булвертона становились все страшнее. Маньяка вроде бы загнали в тупик, но потом он как-то сумел прорваться. Он захватил заложницу, но уже через несколько минут убил ее выстрелом в голову, полиция обнаружила труп. Регулярно поступали свидетельства людей, счастливо от него ускользнувших, однако конкретные подробности разительно расходились: совсем желторотый мальчишка, мужчина средних лет, в камуфляже, в джинсах и футболке, вооружен винтовкой, двумя винтовками, несколькими винтовками и пистолетами. И это не мужчина, а женщина, говорил один из очевидцев, да с какой стати женщина? – удивлялся другой, конечно же, мужчина, и живет он в соседней деревне, я сразу его узнал. Все это сообщалось в сумбурных, торопливо набормотанных репортажах. Вскоре на помощь корреспондентке Би-би-си прибыл один из ее коллег, его репортажи изобиловали живописными подробностями, однако серьезной информации в них было ничуть не больше.

После томительной паузы, когда ничего существенного не происходило (во всяком случае – если судить по репортажам), снова пошли тревожные сообщения. Полицейские взяли маньяка в кольцо, но он успел спрятаться в церкви, и снова в его руках был по меньшей мере один заложник.

При всей маловразумительности радиорепортажей они позволяли Нику догадываться, что речь идет о приходской церкви Святого Стефана, стоявшей совсем рядом с родительской гостиницей, в паре минут ходу по Истбурн-роуд. Эта церковь не отличалась особой древностью и красотой, однако была крепко выстроена и удачно расположена на перекрестке прибрежного шоссе с жилой улицей, застроенной хорошими домами и утопавшей в зелени. В войну она попала под бомбежку, были жертвы. Мысленно представив себе до зубов вооруженного маньяка, засевающего в этой церкви и готового стрелять во все, что движется, Ник поехал еще быстрее. Он боялся, боялся как никогда в своей прежней жизни, боялся за родителей, но также

и за город, за людей, живших в нем, за всех. Это было худшее событие, с каким он когда-либо сталкивался, а он даже не был там, где оно происходило, не принимал в нем участия.

Наконец он доехал до Истбурна. На окраине городка свернул на первый же из узких проселков, ведущих, как он знал, мимо Певенси и дальше через равнину. Как он и думал, машин на этой дороге практически не было. К этому времени он сумел уже собрать свою волю в кулак и вел машину с предельной осторожностью, трезво просчитывая возможные опасности.

Приемник сказал ему, что число жертв достигло семнадцати, по большей части это были случайные прохожие и автомобилисты, проезжавшие через город. Пострадали трое полицейских, двое из них скончались. Среди жертв было трое детей, их школьный автобус затормозил в тот самый момент, когда из-за угла выскочил маньяк. Многих детей зацепило шальными пулями и осколками стекла.

Когда Ник миновал уже Норманс-бей и до Булвертона оставалось не больше двух миль, корреспондентка Би-би-си сообщила, что из церкви донеслись звуки нескольких выстрелов и что, по мнению полиции, загнанный в угол маньяк покончил с собой. На этом поток экстренных репортажей иссяк. Ведущий проинформировал слушателей, что дальше передачи будут идти по обычной программе, и пообещал, что все существенные новости об этом трагическом происшествии будут сообщаться по мере поступления.

Ник снова покрутил настройку и нашел местную разговорную станцию «Голос Юго-Востока». Эта станция освещала булвертонские события в прямом эфире, причем абсолютно иначе, чем Би-би-си. Два ее репортера работали непосредственно в городе, они рассказывали обо всем увиденном и услышанном и задавали – вернее, выкрикивали – вопросы первым попавшимся под руку людям. Раскованная, энергичная подача материала давно уже стала фирменным блюдом станции «Г-Ю-В», однако прежде ее репортерам никогда не попадалось сюжетов, достойных этой творческой манеры. И вот теперь – булвертонская бойня. В голосах двух молодых ребят дрожал еле сдерживаемый ужас, слушатель всей своей кожей ощущал, что репортаж ведется прямо оттуда, из центра событий, и это буквально завораживало, не давало сменить канал; Ник так его и слушал, когда вывернул с узкого проселка на шоссе A259 и увидел впереди полицейский заслон. Хочешь не хочешь, пришлось сбавить скорость.

Двое рослых, вооруженных автоматами полицейских замахали руками, приказывая ему затормозить у обочины. Они стояли прямо на границе Старого города, в сотне ярдов от церкви Святого Стефана и в двухстах – от «Белого дракона». За церковью дорога слегка изгибалась, и что происходит за этим поворотом – Ник мог пока только догадываться. Он был уже почти дома. Старший из полицейских, сержант, записал его имя и адрес и попросил подождать около машины, именно *около*, а не внутри. Ник безропотно подчинился.

– Дальше, – сказал сержант, – вам придется уже пешком в сопровождении одной из наших сотрудниц. Сейчас она занята другими делами, но скоро подойдет.

Женщина появилась минут через десять, бледная и растерянная, и упорно не хотела встречаться с ним взглядом.

– Так где, вы сказали, вы там живете? – спросила она.

– У сержанта все уже записано. Гостиница «Белый дракон», это тут рядом.

– Я знаю, где это. А они рассказали вам, что там делается?

– Да, – подтвердил Ник, хотя ничего ему полицейские не рассказывали.

С того времени как по радио прозвучало «Булвертон», все происходящее – и дальнейшие репортажи, и дорожный заслон, и корректная настойчивость сержанта – окуталось для него дымкой какой-то ирреальности. Теперь эта дымка рассеялась – опустошенное, не выражавшее никаких чувств (*старательно* не выражавшее никаких чувств) лицо молодой женщины сказало ему всю правду. Женщина начала было предупреждать Ника о пугающих сценах, ждущих его в городе, однако голос ее задрожал и сорвался. Тогда она повернулась и пошла знакомой ему с детства дорогой, все время стараясь держаться на пару шагов впереди.

Сперва Ник увидел стеклянное крошево; и тротуары и дорожное полотно были сплошь усыпаны осколками и еще больше – крупными, неровными гранулами вдребезги разбитых автомобильных стекол. Следуя за провожатой, он переступал через длинные, темно-бурые, едва подсохшие потеки. Окна домов, мимо которых они проходили, были почти сплошь выбиты. И везде – россыпи бесхозных, осиротевших вещей: пластиковые мешки с названиями магазинов, детские игрушки, пакеты съестного, школьные ранцы, парные и непарные туфли. Косо стоящие, брошенные прямо посреди дороги машины, все их стекла выбиты, на дверцах, багажниках и капотах множество пулевых пробоин. Поражало количество выпущенных пуль. Сколько боеприпасов может нести при себе один человек? Сколько у него было стволов?

Женщина шла, периодически оглядываясь, не отстал ли он. К тому времени как впереди показался «Белый дракон», Ник уже не смотрел по сторонам. Он смотрел на ритмично переступающие, обтянутые темными чулками ноги провожатой и ни на что больше – смотрел и старался ничего не видеть, ни о чем не думать.

Так они дошли до «Белого дракона», где находился главный очаг насилия, захлестнувшего потом улицы. Здесь уже Ник не мог отводить глаз от картин, каждая деталь которых кричала о недавнем кошмаре. Более того, он начал медленно, неохотно, но все же осознавать, какая судьба постигла его родителей ранним вечером сегодняшнего дня, когда они, по всей видимости, раздумали ехать в Истбурн за покупками.

Глава 5

Дейв Хартленд лежал на пыльном дощатом полу в нескольких метрах от единственного в комнате окна. Неумело пластаясь по полу, он подполз к окну, приподнялся на локтях так, что глаза его оказались чуть выше подоконника, и обвел взглядом маленький – сколько видно – участок тянувшейся внизу улицы. Его сердце колотилось настолько отчаянно, что было даже странно, как эти, снаружи, ничего не слышат. А тем временем «эти» (полицейские) старались укрыться за припаркованными на той стороне улицы машинами.

Пуля рассадилла окно и врезалась в потолок, осыпав пол, а заодно и Дейва осколками стекла и штукатурки; Дейв перекатился в сторону, инстинктивно прикрывая руками голову и шею.

Затем он поспешно, в кровь обдирая колени и локти о шершавые половицы, отполз от окна. Шальная пуля – ерунда, не стоит и внимания, но где-то там, вверху, шныряет полицейский вертолет; рано или поздно небесный соглядатай рискнет подлететь поближе, и если на экране его тепловизора обозначится человеческая фигура, тогда считай все, кранты. Неотступное пах-пах-пах взбиваемого лопастями воздуха – не столько даже звук, сколько мерно пульсирующее давление – ни на секунду не давало о себе забыть.

За порогом комнаты, в коридоре, можно было уже и встать. Дейв взглянул в одну сторону, в другую, затем вышиб ногой противоположную дверь и ворвался в новую комнату, обводя ее слева направо взмахом винтовочного ствола. Убедившись, что все там тихо и спокойно, он встал на четвереньки, подобрался к окну и увидел кусок широкой прямой дороги. За дорогой, чуть в отдалении, громоздился строй высоких однообразных зданий.

Если раньше Дейв мог находиться где угодно, то теперь – где угодно, кроме Булвертона. Он родился в этом городе и знал его как свои пять пальцев, там отродясь не было ничего подобного. По обеим сторонам дороги стояли припаркованные машины, за которыми, конечно же, прятались полицейские. Один из полицейских спрятался настолько неудачно, что был почти весь на виду. Дейв Хартленд вскинул винтовку и уложил его одиночным выстрелом.

В тот же момент все остальные полицейские повыскакивали из своих убежищ и начали беспорядочную пальбу. Десятки пуль вдребезги разнесли оконное стекло, они тупо стучали, впиваясь в кирпичную кладку стен, с визгом рикошетили. В Дейва ни одна так и не попала.

Он попятился из комнаты и подбежал к окну, светившемуся в дальнем конце коридора. Там, на фоне далеких вершин, четко рисовался силуэт зависшего вертолета.

Горы?

– Гроув, мы знаем, что ты там! – прогремел многократно усиленный голос. – Бросай оружие и выходи с поднятыми руками! Но сперва отпусти заложников! Выйдя, ты должен лечь на землю лицом вниз! Разряди все свое оружие! Тебе отсюда не уйти! Гроув, мы знаем, что ты там! Бросай оружие и выходи с поднятыми...

Гроув? За это время Дейв Хартленд успел уже свыкнуться с мыслью, что попал по ошибке не в тот сценарий, теперь же все стало окончательно непонятным.

Некогда раздумывать! Он метнулся к лестнице, спустился, прыгая через ступеньку, на первый этаж и вбежал в просторную светлую комнату. Комната располагалась в задней части дома; французское окно, от стекла в котором осталось лишь несколько саблевидных осколков, выходило в маленький, обнесенный высокими стенами двор. Хартленд пулей вылетел наружу, пересек по диагонали двор и выбежал через распахнутые (небольшое, но все же везение) деревянные ворота в проулок, тянувшийся вдоль тыльной части сада. Низко пригибаясь, добежал по проулку до вторых ворот. Обнаружив, что эти ворота закрыты и заперты, Хартленд перемахнул через них, бросился ничком на землю, готовый в любое мгновение открыть стрельбу, и начал изучать обстановку.

Он лежал на обочине шоссе, но не того, которое видел из окна, а какого-то другого. Широкое, с разделительным барьером, оно ведет к висячему мосту, переброшенному через реку в самой, по-видимому, оживленной части города. Плотные потоки машин в ту и другую сторону, их водители и пассажиры – смутные тени, едва различимые за поднятыми стеклами, в которых отражаются клочки неба и зданий. Десятки пешеходов, они идут и стоят, поодиночке, парами и группами. Ни одного лица с четкими, хорошо различимыми чертами. Частокол небоскребов, головокруглительно высоких, сверкающих золотистым, серебряным и ультрамаринным зеркальным стеклом, их верхушки видны в перспективе, как уходящие вдаль рельсы.

Дейв Хартленд выкинул пустой рожок, вставил новый и нажал на спуск.

Когда стрелять уже было не во что, поскольку вокруг остались лишь неподвижные тела и покореженные машины, он поднялся с земли и побежал к подвесному мосту. Расстояние было небольшое, так что бежать пришлось совсем недолго. До киосков оставалось уже всего ничего, но тут из-за них тучей высыпали полицейские и открыли ураганный огонь.

Дейв бросился на землю ничком. Не обращая внимания на пули, крошившие вокруг него дорожное полотно, он тщательно прицелился и начал выбивать полицейских одного за другим, как в тире.

Подлетел вертолет, и снова загремел великанский голос:

– Гроув, мы знаем, что ты там! Бросай оружие и выходи с поднятыми руками! Но сперва отпусти...

Дейв перекатился на спину, прицелился и всадил в брюхо вертолета короткую очередь. Тут же последовал оглушительный взрыв, на землю посыпались клочья обшивки, осколки стекла, куски вертолетных лопастей.

Он вновь сосредоточил все свое внимание на полицейских. Пятеро из них были еще живы и продолжали стрелять.

Он встал, держа винтовку у бедра, и пошел прямо к ним. Пули, пролетавшие в миллиметрах от лица, обжигали ему кожу.

Полицейские не двигались с места, а просто продолжали осыпать его пулями; их лица были скрыты серебристыми сферическими шлемами и зеркальными очками.

Одна фигура резко отличалась от прочих: женщина в полицейской форме. Без шлема и зеркалок, с длинными, свободно спадающими черными волосами, она была воистину великолепна. Она смотрела на Хартленда с удивлением, близким к растерянности.

Он остановился, понимая, что с такого расстояния полицейские не могут в него не попасть. Мгновение спустя пули ударили его в грудь, отшвырнули назад, и он упал на теплый шершавый бетон. Последним, что он увидел, стал высокий, пламенно-красный пилон моста, устремленный в бескрайнюю голубизну неба. А затем на туго натянутых вантах вдруг повис освещенный экран.

Толстая, с дурацкой ухмылкой на морде мультипликационная свинья приковывалась откуда-то сбоку, отряхнулась по-собачьи, заляпав все вокруг грязью, и легла в верхней части экрана. В зубах у нее был свиток. Свиток развернулся, на нем горела надпись:

World Copyright Stuck Pig⁴ Encounters
Check Out Our Website
For Our Catalog Call Toll Free 1-800-STUC-PIG

Свинцовый град рвал его тело в клочья.

Наступившая затем тишина не ощущалась Хартлендом как бесконечно долгая, потому что мозг его умер и не мог оценивать проходящее время. Как только смотрительница увидела по приборам, что клиент завершил свой сеанс, она дезактивировала электронный замок тесной

⁴ Stuck pig (англ.) – подколотая свинья. Источник названия – английская, очень кровавая, молодецкая забава. Pigsticking («подкалывание свиньи») – верховая охота с пиками на кабанов.

кабинки, где он лежал; вспыхнувшие по тому же сигналу лампы залили бесчувственное тело Дейва ярким голубоватым светом.

Смотрительницу звали Патрисия Таррант, это была высокая, сурового вида брюнетка с волосами, туго стянутыми в узел. Она смотрела на мертвеца, лежащего на койке, холодно и равнодушно. Его руки были вскинута над головой – вполне обычная для пользователей «Экс-экс» поза. Патрисия опустила руки клиента вниз, а затем, не без труда, повернула его самого на бок. В ее руке появился шприц.

Держа шприц горизонтально, она приложила его к затылку клиента и нащупала микроскопический клапан, дававший прямой доступ к одному из нервных узлов около позвоночника. Ввела иглу шприца в отверстие клапана, а затем повернула пластиковую обойму, герметизируя соединение. Потом, когда шприц был надежно закреплен, нащупала микротумблер. По инструкции полагалось пользоваться специальным инструментом, но она уже столько раз проводила эту операцию, что научилась обходиться кончиком собственного пальца. Переключив микротумблер, она вернула Хартленда к жизни. Он тут же пошевелился и застонал. Его левая плечевая мышца судорожно дернулась, за чем последовал глубокий, жадный вдох.

– Успокойтесь, мистер Хартленд, – привычно пробормотала Патрисия Таррант. – С вами все в порядке. Если у вас что-нибудь болит, обязательно мне скажите.

Хартленд лежал неподвижно, но она понимала по движению глазных яблок под закрытыми веками, что он либо пришел в сознание, либо очень близок к тому. Для дополнительной подстраховки она нажала на своей тележке зеленую кнопку, сообщая таким образом медицинской бригаде, что оживление началось и идет по программе, осложнений пока не ожидается.

Теперь, когда оживляющий нейрочип выполнил свое назначение, он был больше не нужен; Патрисия всосала его в шприц и отработанным движением перенесла в стоявшую на тележке склянку. С помощью сенсора она нашла остальные наночипы и извлекла их шприцем из клапана одним продолжительным всасыванием. Убедившись, что крошечные модули извлечены все до единого, она поставила склянку с ними в операционный бокс.

Дальше все делалось автоматически. Электронная аппаратура убедилась, что это те самые чипы, которые вводились клиенту в начале сеанса, и переместила их в ультразвуковой автоклав для очистки от органики, прихваченной ими из организма Хартленда. Затем они были поочередно депрограммированы, проверены, отформатированы, вновь запрограммированы и отправлены в хранилище для дальнейшего использования.

Операционный бокс, герметически закрытый не только от атмосферных и прочих загрязнений, но также и от любого вмешательства со стороны пользователя, выполнил все эти операции за четыре и три десятых секунды, из которых большую часть занимала ультразвуковая очистка.

Для осуществления этого сеанса «Экс-экс» в нервную систему было введено 613 различных нейрочипов; те же самые 613 нейрочипов были потом извлечены, очищены и перепрограммированы.

После того как Патрисия завершила свою работу по воскрешению, она покинула кабинку, оставив Дейва Хартленда приходить в себя дальше своими силами.

Вскоре Хартленд уже сидел на кровати, обводя взглядом голые стены кабинки и не чувствуя ничего, кроме смертельной усталости и апатии, но как только он окончательно понял, где и почему находится, и вспомнил, что происходило с ним в сценарии, его охватило возмущение. Через четверть часа Патрисия вернулась и спросила, готов ли он. Когда Хартленд сказал, что да, она дала ему на подпись сертификат об успешном завершении сеанса.

– Извините, Пат, но я не хочу ничего подписывать, – сказал он, отодвигая от себя бланки. – На этот раз – не хочу.

– Есть к тому серьезные причины? – В голосе Патрисии не было ни тени удивления.

– Да. Это было совсем не то, чего я хотел.

– Но вы можете расписаться хотя бы здесь? – Патрисия перевернула три листа и подсушила ему четвертый, последний. – Вы же знаете, что это такое. Это подтверждение, что я ожила вас быстро и безошибочно.

– Мне бы не хотелось ничего подтверждать. Правду сказать, эта история меня просто взбесила.

Патрисия молча держала перед ним развернутый лист; через некоторое время он взял его в руки, внимательно прочитал, и все оказалось именно так, как она сказала.

– Спасибо, – кивнула Патрисия, когда Хартленд расписался на отмеченном точками пробеле. – Если у вас есть жалобы, вам нужно обратиться к мистеру Лейси. Это он у нас заведует софтверной политикой.

– Вы поймите меня, Пат, это же дерьмо, чистейшей воды дерьмо.

– А какой у вас был?

– Тот, что с Джерри Гроувом.

– Так я и думала, на него уже многие жаловались.

– Я ждал своей очереди битых три месяца. И ведь какая была вокруг него шумиха. Это самый дорогой из всех сценариев, какими я пользовался, и при этом...

– Ну пожалуйста... я ведь тут совершенно ни при чем. Я понимаю, что вы очень обижены, но ведь единственная моя обязанность – это следить, чтобы все оборудование работало как надо.

– Да я же и сам понимаю. Извините.

Патрисия вышла из палаты и тут же вернулась с новым листом бумаги.

– Вот, заполните, пожалуйста, этот бланк и оставьте в регистратуре. А если мистер Лейси на месте и свободен, вы можете поговорить с ним прямо сейчас.

– Я хочу свои деньги назад. Нужно быть полным идиотом, чтобы платить такие деньги за...

– Вполне возможно, что вам оформят возврат, но это должно быть согласовано с мистером Лейси. Я уже вписала здесь каталожный номер сценария. Все, что вам остается, – это объяснить, чем вы недовольны.

Перед ним лежал лист бумаги с крупно напечатанной шапкой: «Корпорация “Ган-хо”⁵ – обслуживание клиентов: наши обязательства, гарантирующие вам полное удовлетворение».

– Хорошо. Спасибо, Пат. Извините, что на вас накинута.

– Ничего, я не обиделась. Но если вы хотите получить свои деньги назад, обращаться нужно не ко мне.

– О’кей. Еще раз извините.

– А как вы себя чувствуете? Готовы к возвращению в реальный мир?

– Да пожалуй, что да.

Узнав от молоденькой секретарши, что мистера Лейси сегодня нет, а скорее всего, и не будет, Дейв Хартленд сел в приемной за стол и начал заполнять бланк претензий. Он, не задумываясь, вычеркнул первые, заранее напечатанные ответы: отказ оборудования, ошибка или небрежность персонала, невежливое обращение персонала, ошибочный выбор сценария, перебой из-за отказа сетевого питания и всякое в этом роде; его интересовал один лишь последний параграф, озаглавленный «ПРОЧЕЕ». Это был большой пробел, где клиент(-ка) мог(-ла) изложить свои претензии своими же словами. Что Дейву и требовалось. После некоторых раздумий он написал следующее:

⁵ В названии GunHo обыгрывается возглас «Gung-No!», имеющий китайское происхождение и обозначающий приблизительно «Эх, ухнем!», «Навалимся!»; со Второй мировой войны используется как боевой клич морской пехоты США.

1. Постановка сценария была организована не в Булвертоне, потому что в окрестностях Булвертона нет никаких гор, в Булвертоне нет высоких административных зданий, нет правостороннего уличного движения, нет висячего моста, равно как реки, через которую он переброшен. Единственная связь с Джерри Гроувом – это использование его имени.

2. Эта полицейская осада типично американского стиля, а отнюдь не история об убийце, рыщущем по улице в поисках жертв, одной из которых был мой брат, а ведь я хотел представить себе, каким образом он погиб. Мне ничего про это не рассказали.

3. Я узнал об этом сценарии из газетной рекламы, записался на него и простоял в очереди несколько недель. Я заплатил уйму денег и теперь хочу, чтобы мне их вернули.

– Я позабочусь, чтобы мистер Лейси ознакомился с вашими претензиями завтра прямо с утра, – сказала секретарша, быстро просмотрев написанное Дейвом. – На этот сценарий многие жалуются, так что наши специалисты уже подумывают, что стоит его заменить. Но с другой стороны, и спрос на него большой.

– Да чего там в нем хорошего? Просто идиотская стрелька. У моих детей в их консоли такого добра хоть пруд пруди.

– А людям ничего другого и не надо.

– Придуманные события в придуманном месте! И близко не похоже на то, что случилось здесь. А вы сами, вы пробовали этот сценарий?

– Нет, не пробовала. – Секретарша закинула бланк в ящик письменного стола. – Я не думаю, чтобы возникли какие-нибудь трудности с возвратом. Вы не могли бы зайти к нам завтра во второй половине дня или просто позвонить?

– О'кей, договорились.

Дейв покинул приемную, чувствуя себя нагло обманутым. На улице уже темнело, было холодно, с моря дул резкий порывистый ветер. Дейв поднял воротник пальто и уныло побрел домой. Его дом находился на Лондон-роуд, так что прогулка предстояла долгая. Хорошо хоть, что всю дорогу – под горку.

Глава 6

Утром, когда Тереза отправилась на поиски завтрака, она обнаружила хозяина гостиницы и вчерашнюю женщину на первом этаже в крошечной конторе, выходящей дверями во внутренний коридор. Как только она переступила порог, мужчина встал.

– Миссис Саймонс? – улыбнулся он. – Доброе утро. Очень жаль, что вчера мы не встретили вас должным образом. Я Николас Сертиз. Эми не предупредила заранее, что мы ожидаем гостью, и я узнал о вашем приезде, только когда вы уже поселились.

– Она прекрасно обо мне позаботилась.

– Вы довольны вашей комнатой?

– Более чем.

В памяти Терезы вспыхнуло и тут же погасло иррациональное, извращенное раздражение, испытанное ею минуты назад, когда она одевалась. Дело в том, что подсознательно она ожидала увидеть здесь нечто британское, эксцентричное, а отнюдь не безликий модерн, общий для всех гостиниц мира. Хотя, с другой стороны, ей нравилось иметь спутниковое телевидение с каналом Си-эн-эн, нравился мини-бар, ее приятно изумило наличие в комнате факса, как и то, что ванная оказалась вполне современной и прекрасно оборудованной. Так в чем же тогда дело? Неужели она предпочла бы пыльный, обшарпанный чулан с тазиком и кувшином холодной воды, комкастую, с выпирающими пружинами кровать и одну на этаж ванную в дальнем конце коридора?

– Вы хотите позавтракать?

– Пожалуй что да.

– Столовая направо по коридору, – сказал Ник Сертиз, подкрепив свои слова взмахом руки.

Все это время Эми стояла за его спиной, молча наблюдая за этим обменом любезностями. Тереза вежливо улыбнулась и прошла мимо хозяйской четы. Ей было как-то не по себе. Полная тишина, затопившая здание вскоре после того, как она легла в постель, подсказала ей, что других постояльцев в гостинице нет. В результате она чувствовала себя словно выставленной на обозрение и начинала уже жалеть, что польстилась на дешевизну, не поселилась в гостинице побольше, где ни одной собаке нет до тебя дела. А тут что ни сделай, все будет замечено и прокомментировано, а при случае и вызовет недоуменные вопросы.

Чего ей тут хочется... Тереза и сама толком не понимала чего, главное, чтобы все оставили ее в покое. Она хотела быть максимально незаметной, ни видом своим, ни поведением не уподобляться вездесущим американским туристам. А вот отец – он бы как раз и был одним из них. Подобно многим своим соотечественникам, он не расставался с родным домом даже и тогда, когда уезжал на другой конец света. Но Тереза знала, что будет выделяться из окружающей обстановки и что с этим ничего не поделаешь. Ведь ей придется жить в самом центре Булвертона, иначе вся эта поездка вообще не имела бы смысла.

Судя по всему, «Белый дракон» считался лучшей в городе гостиницей. Она наткнулась на него почти случайно, просматривая в Интернете перечень отелей, имеющих в Великобритании и, более конкретно, в Восточном Сассексе. В Булвертоне был отмечен и рекомендован один только «Белый дракон». На следующий день она, не без сильных сомнений, послала авиапочтой заказ на бронирование номера и была приятно удивлена, получив через пару дней по факсу уведомление, что заказ принят.

В столовой было холодно, несмотря на разожженный камин. На буфетном столике было выложено все необходимое для холодного завтрака: зерновые хлопья, фрукты, молоко, соки. Стараются, а зачем? Тереза почти уже уверилась, что других постояльцев в гостинице нет, а если так, то зачем столько еды, зачем такое разнообразие? Точь-в-точь как дома, на том берегу

Атлантики, в ресторанах, словно присягнувших неустанно бороться за поголовное ожирение американского народа.

Взяв мюсли и миску цитрусовых ломтиков, Тереза села у окна. В столовой было шесть столиков, каждый накрыт на четверых. За выходящим на главную улицу окном медленно, как на похоронах, катились машины. Пешеходов почти не было. Подошла Эми, чтобы принять у нее заказ.

А затем долгое, одинокое ожидание. Тереза уже жалела, что не сходила куда-нибудь за газетой. Она думала, что у входа в гостиницу будут стоять торговые автоматы, а обнаружив, что это не так, несколько растерялась. Собственная неспособность усвоить, что здесь все не так, как в Америке, обостряла в ней ощущение, что она здесь чужая. Ей было зябко и неудобно от того, что она полностью предоставлена своему собственному промыслу, и она сомневалась, что сможет когда-нибудь с этим свыкнуться. После Энди осталась зияющая пустота, молчание, перманентное отсутствие. В этой пустоте, в мучительных сожалениях, что его больше нет, она провела едва ли не всю прошедшую ночь, безуспешно сражаясь с порожденной дальним перелетом бессонницей, не думая ни о чем, кроме своей утраты. Она вслушивалась в темноту, в незнакомый город, в его огромную тишину и жуткий покой, представляя его, весь сплошь, средостением скорби. Она не была единственной в Булвертоне вдовой, но мысль об этом не помогала ничуть.

Когда Терезе наскучило ждать, она поднялась из-за столика и прошла по коридору в контору, где сидел за компьютером Ник Сертиз.

– Могу я купить здесь какую-нибудь газету? – спросила она.

– Да, конечно. Я скажу, чтобы вам принесли. А какую бы вы хотели?

Вопрос застал Терезу врасплох, она привыкла к «Вашингтон пост» и никогда не задумывалась о других вариантах.

– Может быть, «Таймс»?

Это было единственное, что пришло ей в голову.

– Хорошо. Хотите, я скажу, чтобы вам доставляли ее ежедневно?

– Да, пожалуйста.

Вернувшись к своему столику, Тереза увидела серебряный кофейник, принесенный, надо полагать, Эми, и несколько треугольных ломтиков тостов на серебряной же подставке. Она взяла не успевший еще остыть тост и намазала его чем-то желтым, диетическим и маслообразным из крошечного саше. Не обнаружив привычного желе, она была вынуждена в сотый раз напомнить себе, что в Англии и порядки английские. Зато на столике был апельсиновый джем, и он настолько Терезе понравился, что она сделала мысленную заметку спросить у Эми, какой это сорт, чтобы купить потом для себя, домой.

Часа полтора спустя, приняв уже ванну и одевшись потеплее, Тереза снова спустилась на первый этаж и заглянула в клетушку Ника. Встала она вроде совсем недавно, но все равно чувствовала себя усталой, а несколько минут назад еще и ощутила глухую дрожь зарождающейся мигрени. Лекарство, конечно же, осталось дома. Тереза привыкла уже считать, что с приступами мигрени покончено навсегда, и вот теперь могла поплатиться за свой легкомысленный оптимизм. Долгий полет, смена часового пояса – тут никакая голова не выдержит. Она была в ужасе от перспективы обращаться к какому-то незнакомому врачу, а затем по его рецепту принимать незнакомые лекарства.

Ника на месте не было, по экрану его компьютера ползали разноцветные узоры скринсейвера. Узоры были очень знакомые – при всех различиях США и Британии и здесь и там отдавали предпочтение одной и той же программе.

Эми наводила порядок в баре; Тереза нашла ее по громкому, неровному гудению пылесоса. Увидев постоялицу, Эми тут же его выключила.

– Вам чем-нибудь помочь?

– Да... Мистер Сертиз. Где он сейчас?

– Да где-то здесь. Может, в подвале.

К крайнему удивлению Терезы, Эми трижды громко топнула, пояснив:

– Если он там, то сейчас вылезет.

Через несколько секунд в дверях появился Ник с ящиком пива в руках; крышечки темных запотевших бутылок были обернуты сверкающей золотой фольгой. Ник свалил свою ношу на стойку, а затем, когда Эми снова включила пылесос, жестом пригласил Терезу в контору.

– Вы, похоже, увлекаетесь компьютерами, – заметила она.

– Да не то чтобы очень, – криво улыбнулся Ник. – Не так, как когда-то. Я использую этот компьютер, чтобы писать письма и вести бухгалтерию бара. А Эми ведет на нем бухгалтерию гостиницы.

– Я надеялась, что вы поможете мне с моим ноутбуком, – сказала Тереза. – Он на аккумуляторах. Чтобы их заряжать, нужно воткнуть в сеть, а у вас же здесь вроде совсем другие розетки.

– Да у вас в комнате есть переходник, совместимый с большинством ноутбуков. Вы его что, не заметили?

– Нет, не заметила.

Тереза неожиданно осознала, что непривычная обстановка и английские, непривычные голоса словно лишают ее способности заботиться о себе. Бессознательно, помимо своей воли, она входила в роль беспомощной женщины.

Ведь это она купила в свое время ноутбук, а не Энди. Энди сказал, что он слишком много видит компьютеров на работе, чтобы возиться с ними еще и дома. Тереза на своей работе видела их ничуть не меньше, но для нее это только лишний раз подчеркивало, какой полезной вещью будет ноутбук. А теперь ей и вообще было трудно представить, как бы она без него обошлась.

– И еще, – сказала Тереза. – У вас тут есть где-нибудь аптека?

– И «Бутс» есть, и пара заведений поменьше. Вам подсказать, как их найти?

– Нет, спасибо, пожалуй, я просто прогуляюсь по городу.

День был холодный, ветреный, хоть и без дождя, и Тереза оделась для прогулки в стеганое пальто с капюшоном. Выйдя на улицу, она миновала несколько безликих, давней постройки домов и магазинов и как-то сразу, неожиданно для себя, оказалась в Старом городе.

Во времена оные Булвертон вырос вокруг небольшого морского заливчика, образовавшего прекрасную природную гавань. Залив уже сотни лет как зарос илом, обмелел и стал ни на что не пригодным, но дома этой части города так и глядели в сторону моря, словно гавань все еще была на месте. Там, где когда-то, если верить преданиям, причаливали корабли финикийских и левантинских купцов, раскинулся теперь парк, почти сплошь заросший деревьями; в нем были маленький пруд с утками и прогулочными лодками, зеленая лужайка для игры в шары и несколько теннисных кортов. За долгие столетия все здесь много раз переделывалось и перестраивалось, однако, если не считать нескольких современных вставок, появившихся, надо думать, после Второй мировой войны на месте чего-то старого, разрушенного немецкими бомбами, все здания этой части города имели достойный, зрелый вид. Да и те, что современные, не выглядели слишком уж не к месту.

Ближние окрестности парка были застроены небольшими коттеджами, приспособленными по большей части под магазинчики, рестораны и для прочих деловых нужд, но за ними на полого поднимающихся склонах виднелись ряды зданий побольше, белых и окрашенных в мягкие пастельные тона. С первого же взгляда Терезу захлестнуло чувство, что когда-то она их видела. Она почти не сомневалась, что бывала уже здесь, в этом парке, в этом смирном

прелестном городе. Внезапный приступ тошноты застал ее врасплох; борясь с предательски подкравшимся ощущением, она мотнула головой, словно яростно отвергая кого-то или что-то.

Сработало – приступ сразу отступил. Тереза никому не рассказывала про свою мигрень – из опасения за работу. По порядкам, заведенным в Бюро, любые признаки хронического недомогания ставили крест на твоей карьере. Было рискованно даже принимать лекарства: у всех федеральных агентов брали на анализ кровь и мочу, причем делали это без предупреждения, в неожиданный для тебя момент, и кто там знает, какие делались выводы из присутствия в твоём организме тех или иных химических веществ. Один из друзей Энди связал Терезу с хорошим Вашингтонским психиатром, и тот научил ее, что нужно делать, дабы предотвратить начинающийся приступ. Пару раз ей помогло. Позднее она пробовала и другие приемы.

С просветлевшей, словно прочищенной головой, Тереза вошла в парк, окунувшись в его мирную прохладу. В просветах между буйно разросшимися деревьями и кустами то здесь, то там проглядывали дома. Она без труда себе представляла, как тихо в этом парке летом; даже и сейчас, когда деревья почти оголились, шум города был здесь еле слышен. Она шла, никуда не торопясь, с тоской ожидая, что еще шаг – и среди деревьев покажется какое-нибудь заведение, торгующее гамбургерами, или магазин спортивных товаров и все очарование будет разрушено, однако ничего такого не произошло, да и вообще можно было подумать, что парком никто не занимается. О каком-либо уходе свидетельствовали разве что деревянные скамейки, расставленные то там, то сям и непременно снабженные маленькими табличками с именами умерших горожан. Одна из табличек показалась Терезе особенно трогательной: «Незабвенной Каролине Продхун (ум. 1993) – она любила этот парк».

В конце концов дорожка привела к воротам, а пройдя ворота, Тереза оказалась на тихой улице, тянувшейся вдоль верхней кромки взгорья. Тут она свернула направо, обогнула парк и пошла назад, в сторону моря, разглядывая по пути магазинные витрины. И сразу же обнаружилось, насколько обманчивой может быть внешность: при ближайшем рассмотрении часто выяснялось, что успешные вроде бы магазины в действительности закрыты. Было много антикварных и букинистических лавок, однако редко в какой из них горел свет и ждали покупателя продавцы. В частности, по виду антикварных лавок было похоже, что они используются не столько для продажи товара, сколько для его хранения. На некоторых дверях белели прищипленные кнопками записки, переадресовывавшие всю поступающую корреспонденцию в какие-либо из соседних заведений.

Тереза смотрела сквозь витринные стекла и думала: вот здорово было бы купить этот сундук, эту лампу, этот столик, этот книжный шкаф, это трюмо. Солидные, добротные вещи. От вида старинной мебели на Терезу дохнуло культурой совсем иной, чем привычная ей американская; тут зримо присутствовала цивилизация Европы, ее история, ее давние традиции, семьи, знающие свою родословную, глубоко укоренившиеся обычаи. Она была в достаточной степени британкой, чтобы инстинктивно тянуться к культуре, утраченной ею годы назад, когда отец перевез ее в США, – и в достаточной степени американкой, чтобы тут же загореться желанием приобрести себе что-нибудь из этой культуры. Смущало только, что ценников нигде не было, да и дальняя транспортировка таких тяжелых, громоздких вещей неизбежно повлекла бы уйму хлопот и расходов.

Что вновь шевельнуло в ней болезненные воспоминания о доме, пустующем в Вудбридже на берегу Потомака, заставило подумать об Энди, а затем и о том, что привело ее сюда, в Англию.

Примерно на середине улицы закрытых магазинов Тереза заскучала и пошла по склону вверх, где дома были побольше и сугубо жилые. Было заметно, что люди здесь живут далеко не бедные. По обеим сторонам этой улицы было припарковано множество машин, а ближе к домам слева и справа тянулись аллеи, предназначенные исключительно для пешеходов. Отсюда, с относительной высоты, открывался широкий вид на город, все больше очаровывав-

ший Терезу своей безыскусной красотой. Дома, в Америке, с ней такого никогда не бывало. Прямо впереди, по другую сторону парка, виднелась большая церковь с квадратной колокольней. Вокруг церкви тесно сгрудились дома, а дальше, за ними, стояли дома повыше и побольше. Ближе к морю, по ту же сторону от парка, что и церковь, пестрели навесы большого рынка, а за ними снова вставали высокие, недавней постройки здания. Пологий, шедший от моря склон завершался невысоким гребнем, и этот гребень был сплошь утыкан новенькими аккуратными домиками.

Тереза попыталась представить себе, на что был похож этот маленький сонный город в день, когда Джерри Гроув вышел на улицу с винтовкой в руках. Репортажи из Англии были полны столь любимых журналистами красочных фраз о разбитой тишине и о маленьком городке, грубо вырванном из дремотного состояния. Но ведь город этот не был картинкой с конфетной коробки или декорацией для слащавого низкобюджетного фильма. Здесь жили живые люди, они воспитывали здесь своих детей, ходили на работу, ухаживали за клумбами. Они влюблялись друг в друга, били друг друга, старались свести концы с концами, кто-то даже пытался делать что-нибудь общественно полезное... а один из них, нелюдимый, эгоцентричный юнец, на чьем счету был целый букет мелких правонарушений, страстно увлекался оружием.

В Америке, откуда приехала Тереза, оружием увлекаются миллионы людей. Да что говорить, Тереза и сама им увлекалась. В таком увлечении не было ровно ничего ужасного, его возможные последствия были вполне очевидны, вот только никто и никак не мог ожидать, что все это случится не где-нибудь, а именно *здесь*.

А что могли ожидать приехавшие в тасманский Порт-Артур туристы, школьники в Данблейне, студенты в Бостоне, штат Техас? Все это были тихие, уютные города – города, куда люди охотно едут и с которыми неохотно расстаются. Есть другие города, опасные, и практически во всех городах есть районы, куда ни один человек, имеющий хоть малую толику здравого смысла, не сунется в одиночку после наступления темноты, однако большинство людей пребывают в глубочайшей, ни на чем не основанной уверенности, что все плохое происходит исключительно в плохих местах. А Булвертон был именно что *хорошим* местом, куда стоило стремиться.

Почему? Глядя на город, Тереза пыталась понять, что конкретно вызывает в ней столь живой отклик. Не просто английскость и никак не симпатичность, потому что Англия не обладает монополией на красивые места, а в Булвертоне слишком уж много безалаберной мешанины, чтобы назвать его симпатичным. Вот, к примеру, кварталы, примыкающие к гостинице, – иначе чем безрадостными их не назовешь. И что там ни говори об английской специфике, сама эта безрадостность была прекрасно знакома Терезе; такие кварталы есть практически в любом городе, в любом уголке мира. Может быть, все дело тут в пропорциях: каждое новое здание строилось с оглядкой на предыдущее, чтобы не слишком на их фоне выделяться. Нельзя забывать и о масштабах: этот город вырос в небольшой долине и вокруг нее. Американские архитекторы стали бы соревноваться, кто построит самое большое, самое броское здание, здесь же дома возводились мирно, словно в рамках всеобщей договоренности, чем должен быть Булвертон для тех, кто в нем живет.

А в результате – безыскусная естественность, и хотя Тереза провела в этом городе считанные часы да и то в основном в постели, пытаясь уснуть, ее чувства к нему были куда сильнее, чем к Вашингтону, или Балтимору, или даже к уютному спальному городку Вудбриджу.

Она снова пересекла парк и направилась к замеченной сверху церкви. Эта церковь – собор Святого Гавриила – стояла на небольшом возвышении, прямо перед ней было церковное кладбище. Тереза попробовала читать надписи на могильных плитах, но все они стерлись от времени. Дверь церкви была заперта, и рядом не было никого, кто мог бы ее открыть.

К церкви примыкал маленький, окруженный забором сад, его калитка была прикрыта, но не заперта. На заборе висела табличка, излагавшая историю сада:

САД «КРОСС-КИЗ». На этом месте стояла гостиница «Кросс-Киз», уничтоженная немецкой бомбой 17 мая 1942 г. примерно в 1.00 пополудни. Это было воскресенье, время ланча, гостиница была переполнена, в результате чего было много жертв. Погибли одиннадцать жителей Булвертона, и еще двадцать шесть были ранены, что стало для этого города наибольшим количеством жертв в единичном эпизоде за все время мировой войны. Мемориальная доска с именами погибших находится в дальнем конце сада.

Тереза толкнула калитку и вошла. Сад не был слишком уж заросшим, однако чувствовалось отсутствие регулярного ухода. Газон давно бы полагалось подстричь, деревья и кусты обросли тонкими молодыми побегами. Найдя висевшую на стене мемориальную доску, Тереза отвела в сторону длинную колючую ветку розового куста, скрывавшую ее почти наполовину. Она читала имена, стараясь их запомнить – на случай, если в городе встретится кто-нибудь из родственников погибших. Потом, зная ненадежность своей памяти, достала из сумочки записную книжку и аккуратно переписала все фамилии.

Одиннадцать погибших, меньше, чем тех, кого убил в прошлом году Джерри Гроув, а ведь какая это была трагедия даже по меркам военного времени, никто и помыслить не мог, что с этим городом может случиться что-нибудь худшее.

Сегодня Булвертон все еще не может прийти в себя после устроенной Гроувом бойни. А пройдет полвека, и какой эпизод из жизни города будут вспоминать как самый страшный?

Рядом с мемориальным садом начинался глуховатый проулок; пройдя по нему совсем немного, Тереза оказалась на широкой торговой улице. Это была Хай-стрит, о чем свидетельствовала табличка, прибитая к стене на одном из перекрестков. Судя по количеству сошедших сюда людей, торговля была в полном разгаре. Тереза прошла улицу из конца в конец, разглядывая всех встречных, чувствуя, что, пусть это и первое ее здесь утро, она успела уже познакомиться со многими гранями городской жизни. Она держала в руке открытую записную книжку и записывала по пути адреса полицейского участка, библиотеки, почты, банков и так далее – всех учреждений, которые могли понадобиться ей в будущем.

В первом же газетном киоске она купила карту города и местную газету. Бегло просмотрела заголовки, однако недавний ужас, неотвязно присутствовавший в умах людей, не помнился ни разу.

И только рядом с ратушей – зданием вполне современным, но построенным так, чтобы естественно сливаться с остальным городом, – она увидела наконец прямое напоминание о той бойне. На большом, вроде рекламного, щите был изображен циферблат. Надпись над ним гласила: «Булвертонское бедствие – воззвание лорда-мэра». Там, где на обычном циферблате было бы написано «двенадцать часов», стояла сумма в фунтах (5 000 000), а вместо двух стрелок была только одна, отмечающая, сколько уже собрано. Сейчас она находилась где-то между семью и восемью часами, чуть дальше трех миллионов, и за ней была начерчена красная полоса.

Рядом с дверью мэрии, прямо на асфальте, лежали венки. Тереза стояла в нескольких шагах от них, не совсем уверенная, стоит ли ей приблизиться и прочитать надписи на лентах; с одной стороны, это могло бы показаться местным бестактностью, но с другой, она не хотела так вот пройти мимо, словно ничего не заметив. Это начинало понемногу проникать в ее сознание – неотвязное, фоном присутствующее ощущение беды. Не только венки, не только щит с циферблатом, но и сам тот факт, что она все время думает об этой беде, высматривает ее следы. Она вдруг осознала, что ищет эти следы на лицах прохожих, что подсознательно удив-

ляется как отсутствию в городе зримых физических шрамов, так и тому, что хозяева гостиницы не сказали об этом ни слова. Но ведь люди умеют скрывать свою боль под маской внешнего безразличия.

Тереза понимала, что сама она действует именно так. И что ей нужно прямо, без отлагательств приступить к тому, что она задумала. Найти людей, поговорить с ними. Вы были в тот день здесь, в городе? Вы видели Гроува? А вот вы лично, а вы как-нибудь пострадали? Были среди убитых кто-нибудь из ваших знакомых? Она хотела услышать свой голос, задающий эти вопросы, хотела услышать ответы, хотела высвободить всю боль, тугу, пружинной сжатую в этих людях и в ней самой.

Но только все это, конечно же, не ее собачье дело. Ненавязчивый уют этого города, спокойное, без излишних эмоций поведение людей на улице, а также и то, что она ни с кем здесь не знакома достаточно близко для непринужденного разговора, – все это вместе буквально кричало, что она здесь чужая. Она задумывалась над этой проблемой и раньше, еще дома, трезво понимая, что так оно скорее всего и будет. Как, думала она, отнесутся горожане к ней, посторонней? Будут они ей рады или будут ее сторониться? Теперь она знала, что не то и не то. Они ею вовсе не интересовались – как потому, что это было для них самым естественным поведением, так и потому, что они бы предпочли, чтобы и *она* поменьше интересовалась *ими*.

Этот город понес тяжелую утрату, уж она-то в этом вопросе разбиралась. Она была в нем настоящим экспертом. И неизбежно она вновь подумала об Энди. Почему это никак не кончается? Сколько бы времени ни проходило, ей никак не становилось лучше. Усилиями почти физическим она оторвала свои мысли от него, и тут почти сразу произошло не совсем понятное.

По пути назад, к гостинице, Тереза вспомнила об Эми. Эми казалась достаточно разговорчивой, и Тереза думала, не начать ли расспросы прямо с нее. А почему бы и нет, ведь она же тем летом находилась в Булвертоне и почти наверняка знает здесь многих. Работая за стойкой бара в маленькой гостинице, неизбежно приобретаешь широкий круг знакомств.

Погруженная в эти размышления, Тереза подошла к мощеному пятаку, на котором стояло с десяток ларьков. Люди что-то покупали, бродили с места на место, ровный гул голосов мешался с популярными мелодиями, гремевшими из приемников, установленных за двумя ларьками. Здесь продавались по преимуществу фрукты, овощи и мясо, но были и ларьки иного рода, торговавшие подержанными книгами, видеокассетами и компакт-дисками, а также садовыми инструментами, детской одеждой, мелкой мебелью и прочей ерундой. И вот как раз у такого ларька, торговавшего грошовыми хозяйственными товарами – пластиковыми ведрами, швабрами, вениками и бельевыми корзинами, – Тереза увидела Эми. Эми о чем-то спорила с ларечником, человеком средних лет, с круглой бородкой и усами, всклокоченными волосами и мускулистым, но уже подбрюзгим телом. Ларечник заметно злился, он что-то быстро говорил и время от времени тыкал в Эми пальцем. Однако бледная от бешенства Эми отнюдь не собиралась уступать, в какой-то момент она отбила обличающий палец ларечника в сторону – и тот тут же вернул его на прежнее место.

Тереза застыла от изумления. Она знала этого человека! Но как, откуда, каким таким образом? Пробиравшиеся между ларьками покупатели все время толкали ее в спину, и Тереза вдруг сообразила, что стоит на проходе. Тогда она медленно, опасаясь себя обнаружить, пошла дальше. Чем ближе подходила Тереза к ларьку, чем лучше видела лицо ларечника, тем меньше оставалось у нее уверенности, что она знает этого человека. Теперь ей казалось, что она узнала не столько определенного человека, сколько широко распространенный тип. Эта неопрятная шевелюра, эта бородка, высокий лоб, заметно выпирающий живот, грязная белая футболка под кожаной жилеткой, массивные руки и плечи – все это было не слишком примечательно, однако в его манере себя держать, в агрессивном поведении было нечто, напоминавшее Терезе малоприятных субъектов, с которыми ей приходилось сталкиваться дома, в США. С такой

внешностью он легко мог бы принадлежать к одному из вооруженных ополчений, которых столько возникло в американской глухомани за последние двадцать лет. Тереза непроизвольно ощупала взглядом его тело, высматривая признаки спрятанного оружия.

И тут же себя одернула: ведь это Англия, где огнестрельное оружие под запретом, где нет, насколько ей известно, никаких вооруженных ополченцев, где бессмысленно делать с первого взгляда те же предположения, что и в Америке. Здесь, в Англии, человек с такой внешностью вполне мог водить грузовик, или писать стихи, или торговать на уличном рынке.

Но при всей разумности этих доводов первое впечатление не изгладилось, и Тереза приближалась к ларечнику с некоторой опаской.

Ни он, ни Эми ее не заметили. То, о чем они там беседовали, никак Терезы не касалось, и она опять почувствовала себя настырной особой, нагло лезущей в чужую жизнь. Она очень хотела бы остановиться и послушать, о чем они спорят, однако знала, что делать этого не следует.

Остановившись у ларька, Тереза фактически призналась бы в своем любопытстве, а потому прошла мимо, даже не замедлив шага, и услышала лишь несколько слов.

– ...убраться отсюда, – говорил мужчина. – Ты что, не понимаешь, тебе же не хрен здесь делать? Будь сейчас Джейс...

Все остальное потерялось за гулом толпы, хотя Терезу и спорящих разделяло не более двух шагов. Из того, что ответила Эми, она вообще ничего не расслышала.

Тереза старалась притушить свое любопытство. Заезжие гости вечно суют свой нос куда не надо, они без этого не могут. Они встречают новых людей, и было бы даже странно, если бы они не интересовались этими людьми, их происхождением, их жизнью, их семьями, их положением в том обществе, в котором они живут.

Несмотря на ранний час, Тереза хотела есть, ее организм упорно отказывался перейти с вашингтонского времени на лондонское. Окинув взглядом базарную площадь, она не увидела ничего, хоть отдаленно напоминающего ресторан. Тогда она вернулась на Хай-стрит, где заметила прежде пару подобных заведений, однако и тут ничего не вышло, их вид не внушал особого доверия.

Тогда она решила, что приготовит себе что-нибудь сама, и вернулась к большому супермаркету, мимо которого проходила пару минут назад. Там она направилась прямо к прилавкам со свежими продуктами, заранее размечтавшись, как приятно будет есть еду собственного приготовления, и вдруг запоздало вспомнила, что в ее гостиничном номере нет ни плиты, ни даже микроволновки. Нехарактерная для Терезы забывчивость объяснялась скорее всего недосыпом, а может, вид этого человека встревожил ее больше, чем ей хотелось бы думать. Злая на себя, она отошла от прилавка и стала просто бродить по супермаркету, где хорошо ей знакомое мешалось с совершенно незнакомым. Заметив аптечный киоск, Тереза остановилась.

– У вас есть что-нибудь от головы? – спросила она молоденького фармацевта.

– У вас есть рецепт?

– Нет... понимаете, я только вчера приехала из США. Там у меня и рецепт есть, и таблетки, но я забыла взять их с собой и думала...

Конец фразы повис в воздухе, Тереза ненавидела, когда приходилось объяснять что-то про себя чужим людям, к тому же реальная ситуация была куда сложнее: она старалась принимать как можно меньше лекарств. После того как предложенная психотерапевтом методика несколько раз сработала – и куда больше раз не сработала, – она обратилась за советом к одной из своих соседок, врачу-гомеопату. Та прописала Терезе игнацию, и это средство вроде бы помогло. Приступы мигрени стали слабее, а затем и вовсе исчезли, в результате чего она так осмелела, что перед отлетом в Англию решительно оставила крошечные белые шарики дома. Теперь она горько об этом жалела: искать в незнакомом городе гомеопата, ждать, пока он про-

ведет обследование и поставит диагноз, – на это ушла бы уйма времени. Ей хотелось бы просто получить какое-нибудь лекарство, снимающее головную боль.

Пока она говорила, фармацевт отвернулся к своим полкам, и теперь он положил перед ней две коробочки. Тереза взяла их и прочитала, для чего предназначены эти препараты и из чего они состоят. Одно из лекарств было основано на парацетамоле и кодеине, другое – просто на кодеине. И в том и другом были антигистаминные добавки. В одном из них такой добавкой был гидрохлорид буклизина, знакомый Терезе по лекарству, которое она когда-то принимала, что и побудило ее выбрать именно этот препарат, называвшийся мигралев. Расплачиваясь с фармацевтом, она на секунду запуталась в непривычных английских деньгах.

Но это было еще не все, Тереза взяла с прилавка треугольную целлофановую упаковку сэндвичей и банку диетической кока-колы и встала в очередь на контроль, чтобы расплатиться. Возвращаясь в гостиницу сперва по Хай-стрит, а потом по Истбурн-роуд, она понемногу откусывала от одного из сэндвичей.

– Миссис Саймонс.

Тереза удивленно обернулась и увидела Эми, неслышно подошедшую сзади; лицо Эми было совершенно спокойно, словно и не она совсем недавно яростно препиралась с рыночным торговцем.

– Привет, Эми! – откликнулась Тереза, замедляя шаг.

– Я видела вас на рыночной площади. Знакомьтесь с нашим городком?

– У вас тут очень красиво, – кивнула Тереза. – Мне нравятся дома, стоящие на взгорье, и как они смотрят вниз, через парк.

Теперь, рассказывая о своих впечатлениях другому человеку, она осознала, что тишина и спокойствие Булвертона были скорее иллюзорными, – и ей, и ее собеседнице приходилось повышать голос, чтобы перекричать уличный шум.

– Мне тоже это нравится. Во всяком случае, нравится теперь. В детстве, школьницей, я ни о чем таком не задумывалась.

– Вы прожили здесь всю свою жизнь?

– Сразу после школы я какое-то время жила и работала в другом месте, но потом вернулась, и думаю, что навсегда. Меня никуда отсюда не тянет.

– Вы должны знать здесь уйму людей.

– Как-то так выходит, что больше они меня знают, чем я – их. Послушайте, миссис Саймонс, я все никак не могу успокоиться насчет этой комнаты, куда мы вас поселили. Вас она устраивает?

– Прекрасная комната. А почему вы спрашиваете?

– Понимаете, я как-то провела свой отпуск в Америке, там у вас все такое современное.

В мягком серебристом свете дня Эми выглядела далеко не так молодо, как казалось Терезе раньше. Хотя лицо у нее было молодое и привлекательное и держала она себя как девушка лет двадцати с чем-нибудь, в волосах у нее уже пробивалась седина да и талия была далеко не девичья. Терезе было любопытно, пыталась ли Эми когда-нибудь сбросить лишний вес, как то делала она сама года два-три назад. На фигуре это никак не сказалось, но зато она *ощущала*, что делает для своего блага все, что в ее силах. Внешний твой вид ничуть не улучшается – для этого потребовались бы долгие часы регулярных занятий, – но вот чувствуешь ты себя определенно лучше.

– Да не беспокойтесь вы так про эту комнату, – сказала Тереза. – Когда вы были в США, вам приходилось хоть раз останавливаться в мотеле?

– Нет.

– А вот я в каких только мотелях не жила, и вы уж поверьте, после нескольких ночей в любом из них гостиница вроде «Белого дракона» покажется уютной, как дом родной.

Тем временем они вышли на Истбурн-роуд, по которой и в одну, и в другую сторону текли медленные, сплошные потоки машин. Стало еще шумнее, и странное ощущение покоя, навеянное Терезе Старым городом, окончательно исчезло.

– Ой, я совсем забыла! – воскликнула Эми, останавливаясь. – Придется вернуться, я же выбралась в город, чтобы кое-что купить.

– Это я вас заговорила.

– Нет-нет, – замотала головой Эми. – Вы тут ни при чем, я сама во всем виновата.

– А этот человек, с которым я вас видела, – сказала Тереза. – Кто он такой?

– В гостинице?

– Нет, здесь, на рынке, буквально только что.

Эми смотрела в сторону, ее вдруг очень заинтересовали машины, едущие в сторону моря.

– Я не совсем понимаю, о ком это вы.

– Он показался мне очень знакомым, – сказала Тереза.

– Ну как это может быть? Вы же приехали только вчера и к тому же ночью.

– Вот и я так подумала, да и вообще ерунда это все.

– Конечно, ерунда, – согласилась Эми, откидывая прядь волос, упавшую ей на глаза.

Глава 7

Когда пришла снизу Эми, Ник уже лежал в постели с утренней, так и не прочитанной за день газетой. Он слышал, как она прошла в ванную, как чистила зубы. Несколько минут спустя она вошла в спальню и стала раздеваться. Ник смотрел на нее, как и всегда. Эми уже привыкла, что он вот так лежит и смотрит, и, похоже, ничего не имела против. Раздетая, она выглядела в его глазах точно такой же, как раньше. Все, что казалось ему привлекательным когда-то, давным-давно за эти годы ничуть не изменилось.

Его родители и ее муж были кремированы в один и тот же день, меньше чем через неделю после бойни, и они встретились в крематории. Когда Ник вышел наружу, темноглазая, вся в черном, убитая горем Эми стояла рядом с часовней, стояла совсем одна, без обычной для таких случаев стайки родных и знакомых. Они смотрели друг на друга и смотрели. Это было очередное потрясение той недели потрясений, времени, когда никакая неожиданность не казалась уже неожиданностью. В город они возвращались вместе, а навстречу им, к расположенному на Гребне кладбищу, ехали чужие катафалки, машины с репортерами, телевизионщиками и осветительной аппаратурой.

У Ника не осталось на свете ни единой родной души, у Эми тоже. Повинуясь чувствам, которые ни он, ни она не пытались сдерживать, Ник отвел ее к себе в гостиницу, и она задержалась там допоздна, и они были той ночью вместе и так потом вместе и остались.

Это было время, когда булвертонцы не утратили еще способности говорить о недавнем ужасе. Репортеры кишели как мухи, и больше всего их было в «Белом драконе», где они по преимуществу останавливались, и все наперебой им рассказывали, что и как сделал Гроув; это стало для людей своего рода способом осознать недавний кошмар, сжиться с ним.

Позднее все изменилось. Пережившие бойню увидели, что никакой это не способ, что любые разговоры лишь усугубляют ужас случившегося. Эти вопрошающие лица и голоса, тактичные или настырные, эти блокноты, магнитофоны и видеокамеры имели своим следствием броские заголовки и снимки в таблоидах, превращали горе в набор истертых журналистских штампов. Первое время булвертонцам было в некотором роде лестно видеть свой город и себя, его обитателей, по телевизору, однако вскоре они разобрались, что миру показывают совсем не то, что случилось в действительности, не реальные события, а поверхностные впечатления, сформировавшиеся у чужаков.

И постепенно город замолчал. Но тогда, через пять дней после бойни, отношение горожан к массмедиа все еще оставалось наивным. Они говорили из нужды выговориться, хоть как-то согласовать происшедшее с логикой и здравым смыслом.

Той первой ночью Ник, не успевший еще прийти в себя после похорон, проснулся в полной, хоть глаз выколи, темноте и услышал негромкий сдавленный плач. Он включил свет и попытался успокоить Эми, но ничего из этого не вышло. Время было чуть за полночь. Он сидел в постели, смотрел на ее голую спину и слушал, как она стонет и всхлипывает. Не в силах ее утешить, он вспоминал давние, лучшие времена, какой она была веселой и непредсказуемой и как он ссорился из-за нее с родителями. Те недолгие недели были самыми счастливыми в его жизни, и его эйфория, вполне естественная для молодого мужчины, сошедшего с обворожительной, безоглядно сексуальной девушкой, исчезла не тогда, когда все у них пошло не так, а лишь месяцы спустя.

– Ник. – Голос Эми звучал глухо и неразборчиво, потому что она лежала, уткнувшись лицом в подушку. – Ник, если ты хочешь еще раз, я не стану возражать, а потом я пойду.

– Нет, – сказал Ник. – Я не об этом думаю.

– Я совсем замерзла. Укрой меня, пожалуйста.

Ник у нравилось слышать ее голос, нравилась знакомая, все та же, что и прежде, манера говорить. Он засуетился с подушками и одеялом, стараясь устроить ее потеплей и поудобнее, а потом лег с ней рядом и обнял. И он, и она молчали, молчали долго.

– Твоя мама, – сказала Эми. – Она ведь меня не любила?

– Ну, я бы в общем-то не сказал...

– Ты же знаешь, что не любила. Я не стоила ее сына. Как-то раз она мне прямо так и сказала. Сейчас уже все равно, но тогда мне было очень больно. В конце концов она добилась своего и ты уехал в Лондон.

– Да мы же к тому времени давно уже как разошлись.

– Три месяца. И уж во всяком случае, она была довольна.

– Я не думаю, чтобы...

– Послушай, Ник, я хочу тебе все объяснить. – Эми говорила ровно и спокойно, но в паузах, когда она набирала воздух, прорывались звуки, похожие на всхлипывание. – Как раз после этого я и начала крутить с Джейсом. Ты его вроде бы не знал, но твои родители знали. Он и его компания бывали здесь регулярно, выпить они любили. У Джейса были плохие привычки, с которыми я так никогда и не смирилась, но были и хорошие стороны. Я увлеклась им далеко не сразу, на это потребовалось года два, но он всегда был тут, рядом, и даже в то время, когда я уже сошлась с тобой. Мы с ним учились в одной школе, но близко знакомы не были, у него была своя компания, у меня – своя. Он был для меня просто парнем из поселка – из поселка, где ты никогда не бывал. Ты бы никогда не понял такого, как Джейс, ты бы только увидел, как он напивается, как гоняет машину, врубив музыку на полную, как буйствует на футбольных матчах, и ничего больше... Мы с ним оба работали в Истбурне, но потом его пригласили в Баттл, в строительную фирму. После нескольких недель работы на подхвате ему предложили постоянное место, помощником бригадира. Я тут же ушла из гостиницы «Метрополь», и мы с ним сняли квартиру в Силенд-Плейс. Ты это место знаешь, в полумиле отсюда. Мы отделали все, как нам хотелось, навели уют, прожили какое-то время, а там и поженились... Вскоре я забеременела, но не доносила, случился выкидыш. На следующий год опять то же самое. Затем три года вообще ничего, новая беременность, и снова выкидыш. И тогда врачи мне сказали, что детей у меня никогда не будет, разве что чудо случится... Вот тут-то все и поехало. Джейс стал пить куда больше прежнего, правда, при этом он всегда возвращался ночевать домой и не завел никаких шашней на стороне. Он всегда божился, что уж на этот-то счет я могу быть спокойна... И вот однажды, после очередной нашей ссоры, он спросил, а что я думаю насчет того, чтобы заняться гостиничным бизнесом? Дело в том, что он со своими друзьями регулярно навещался в «Белый дракон» на предмет выпить и как-то так ему втемяшилось, что твои родители думают продать гостиницу и что мы с ним должны ее купить. У нас не было таких денег, но Джейс сказал, что деньги не проблема, потому что Дейв, его брат, даст за нас поручительство. Он говорил с таким апломбом, что я и поверила. Но потом мы вникли во все поглубже, сходили в банк. В банке нам сказали «нет», и, как я думаю, где-то еще сказали «нет», и тогда Джейс оставил свою идею. Вместо этого он решил попросить твоего отца, чтобы тот дал ему работу. У него была при этом тайная мысль, что, если он будет усердно работать, твой отец проникнется к нему доверием и позднее, когда захочет уйти на покой, сделает его своим партнером... И снова ничего не вышло. Когда Джейс собрался наконец поговорить с твоим отцом, он не просидел у него и минуты, вылетел пулей. Не знаю уж в точности, что там такое было сказано, но результат получился нулевой. Вот тут, Ник, во всем этом появляешься и ты. Джейс знал, что твои родители смотрели на меня косо, и получалось, что когда он на мне женился, то избавил их от необходимости терпеть меня, вроде как оказал услугу. А потом, когда твой отец его послал, Джейс без конца повторял, что это ты его так настроил. Себя самого он тоже винил, но меньше, не в такой степени. Говорил, это ж надо было быть таким идиотом, чтобы

хоть на минуту подумать, будто из этого что-нибудь выйдет, надо было, мол, заранее знать, что такие, как ты, лучше сдохнут, но не дадут ему шанса. Он был уверен, что это ты во всем виноват, и не мог тебя простить.

Там, в крематории, когда Ник подошел к Эми и заговорил с ней, он нимало не сомневался, что чувства ее той же природы, что и у всех: горечь утраты близкого человека. Никто не рассказывал ему об отношениях между людьми, убитыми в тот день Гроувом, никто и ничего, потому что в такой, как Булвертон, тесной общине считается самоочевидным, что все и так все знают. Рассказали бы, наверное, если бы Ник спросил, а он не спрашивал. Все, что у него было, – это список имен, список, не нужный уже булвертонцам, они знали его наизусть. Двадцать три погибших, одним из которых был Джейсон Майкл Хартленд, тридцать шесть лет, Силенд-Плейс, Булвертон. До того как Эми рассказала ему по пути из крематория в город, Ник даже не подозревал, что Джейсон Хартленд был ее мужем, что ей тяжелее, чем большинству понесших утрату, не исключая его самого. Он был потрясен смертью родителей, а также тем, какой дикой, бессмысленной была эта смерть, но насколько ужаснее было то, что досталось на долю Эми. Приступы скорби рвут сердце не по заказу, без предупреждения. Той ночью, в постели с Эми, Ник безудержно плакал, думая о том, что случилось с Джейсом и со всеми остальными. Смерть несет с собой оправдание. В чем бы ни был виновен Джейсон Хартленд при жизни, смерть стерла все начисто, сделала мертвого невинным, как младенец.

Ник лежал, а Эми продолжала говорить.

– Джейс, – сказала она, – был тем самым, кого в газетах называли «человек на крыше». Дом одного из его друзей стоит бок о бок с индийским ресторанчиком, который рядом с церковью, и тогда, в тот день, Джейс помогал этому другу укладывать черепицу. Когда появился Гроув, Джейсу было некуда деться. Он попробовал спрятаться за печной трубой, но Гроув увидел его и застрелил. Пули отшвырнули его тело, и оно соскользнуло с крыши на дальней стороне, где с улицы не видно. И только мальчик видел, как это было. Он прятался в отцовской машине, которую Гроув уже изрешетил. Этот мальчик, он видел, как Джейс был убит, и потом все пытался рассказать полицейскому. Он был до смерти напуган и только и мог сказать: «Там был человек на крыше, человек на крыше». Из-за того что тело Джейса завалилось, в первый день его так и не нашли, а только на следующий... А я и знать не знала, где и как Джейс. Мы с ним тогда опять поцапались, и было похоже, что дело идет к разводу. Он ушел из дома, и я не видела его две, то ли три недели. Он мог быть в любом из тех мест, где работал: Гастингс, Истбурн, соседние поселки, где-нибудь на побережье. А еще у него была манера, когда мы ссорились, уходить к кому-нибудь из дружков... После этой бойни полиция включила его в список пропавших вместе со всеми другими, про кого никто не знал, где они. Потом оказалось, что все они убиты, но в первые часы у меня еще была надежда. И больше всего мне хотелось увидеть Джейса, чтобы рассказать ему про бойню. Это было такое колоссальное событие, такое оглушительное, затронувшее весь наш город, все время по радио и телевизору, и мне хотелось, чтобы Джейс был рядом и я могла бы сказать ему, что жалею о нашей ссоре, и поговорить с ним обо всем, что случилось в городе. Теперь-то я понимаю, что просто себя обманывала, прятала голову в песок. Я провела всю ту ночь без сна в папином доме, а утром пришли полицейские и сказали, что нашли его.

Ник узнал о судьбе своих родителей сразу же после бойни, ему не пришлось мучиться догадками и питать напрасные надежды, его история была совсем простой, но все равно Эми хотела ее знать. И он рассказал ей, стыдясь своей слабости. Эми, чьи глаза уже высохли, сидела в постели и слушала.

Всю эту долгую ночь они лежали рядом и говорили, проясняя для себя, что же случилось, что свело их вместе после стольких-то лет. Иногда они молчали и не двигались, но не засыпали

ни на секунду. Нику стало казаться, может быть и ошибочно, что только с Эми сможет он восстановить хоть малую часть того, что утратил.

Эми переехала к нему прямо назавтра, с одним чемоданчиком, где было кое-что из одежды. Дней за десять она мало-помалу перевезла из квартиры в Силенд-Плейс прочее свое барахло, в том числе и кое-что из мебели, и прочно, словно всегда так было, вошла в его жизнь.

Очень скоро они перестали удивляться своему неожиданному воссоединению, началась спокойная будничная жизнь. В тех редких случаях, когда они говорили о прошлом, это прошлое никогда не было более давним, чем устроенная Гроувом бойня, – единственное незаконченное дело, хоть что-нибудь значившее.

То было тогда, а это – сейчас. Сейчас Эми снимала с себя одежду; глядя на нее поверх газеты, Ник заметил, что она улыбается. Ему нравилось, как налилось зрелостью все ее тело: ее крепкие, прекрасной формы ноги, длинная красивая спина, груди, ставшие теперь куда полнее, чем были, ничуть при том не обвиснув, сильное лицо и копна темных волос. Ее нельзя было, как когда-то, назвать хорошенькой, но Ник не в силах был представить себе женщину более привлекательную.

– Ты что? – спросил он. – Что тебя так развеселило?

– Ты – как ты лежишь и глазеешь.

Она уже совсем разделась и стояла прямо перед ним.

– Я смотрю на тебя каждый вечер. Тебе же это нравится, верно?

– Как ты думаешь, надеть мне ночнушку?

– Нет... прыгай сюда так.

Ник уронил газету на пол и принял Эми в объятия; она тут же развернулась, и он ощутил низом живота прохладную упругость ее ягодиц. Лево́й, подsunутой снизу, рукой он взял Эми за грудь, а правую положил ей на лобок, еще крепче прижав к себе эту прохладную упругость. Они никогда не спешили в любви, долго не засыпали после. Им нравилось лежать вместе, обнявшись, нежно друг друга лаская. Иногда это вело к повторению, иногда они начинали обсуждать события прошедшего дня или просто тихо задремывали. Той ночью Эми не хотелось спать; после нескольких минут любовных игр она села, натянула ночную рубашку и включила ночник.

– Ты что, будешь читать? – спросил Ник, жмурясь от вспыхнувшего света.

– Нет. Я хочу у тебя кое-что спросить. Как ты думаешь, миссис Саймонс – она журналистка?

– Ты про эту американку?

– Да.

– Я как-то об этом не думал.

– А вот ты подумай.

– А с чего ты это взяла? – удивился Ник. – Да и какая нам в общем-то разница?

– Я наткнулась сегодня на Дейва. Он говорит, она точно журналистка.

– Ну и что? Ты же не хуже меня знаешь, что такое Дейв.

– В общем, это и вправду не имеет большого значения. Но я вот тут задумалась. Она ничего нам про это не сказала, а когда приезжали другие журналисты, они задавали свои вопросы, ничуть не таясь. Их не слишком-то здесь любили, они это знали и все равно не пытались скрыть, кто они такие и чего им надо.

– Тогда она, скорее всего, никакая не журналистка, – сказал Ник. – Не каждый чужак, приезжающий в наш город, собирает материалы для статьи.

– А с другой стороны, я подумала, она ведь американка, так может, они работают иначе?

– А ты пойдй к ней и спроси.

– Может, и спрошу. – Эми зевнула, однако не было никаких признаков, что она собирается выключить свет и лечь. – Она сказала мне, что она – британка. Во всяком случае, родилась здесь. Ее мать была британкой.

– А что это ты все про нее да про нее?

– Я думала, тебе интересно.

– Да я ее почти и не заметил, – сказал Ник, и это было чистейшей правдой.

– А вот у меня сложилось другое впечатление.

У Эми было выражение лица, которое Ник уже научился распознавать: губы улыбались, а глаза оставались холодными. Как правило, это сулило ему взбучку за то, что он либо сделал то, чего не следовало делать, либо не сделал того, что следовало. Эми сидела и смотрела на свои обтянутые рубашкой колени. Ник тронул ее руку, но она словно не заметила.

– В чем дело, Эми?

– Я видела тебя с ней в конторе, как вам было там весело.

– Че-го? – искренне изумился Ник. – Да когда это?

– Утром. Я видела ее там, с тобой.

– Вот же черт, совсем забыл, – спохватился Ник и взглянул на свое запястье, на воображаемые часы. – Я обещал ей зайти сегодня ночью. Ты не против, если я отправлюсь прямо сейчас?

– Заткнись.

– Послушай, если в моей гостинице останавливается одинокая женщина, из этого отнюдь не следует... – Он не закончил фразу, настолько смехотворной была эта мысль.

– Она не одинокая, – педантично поправила Эми. – Она замужем.

– Слушай, давай выключим свет, – предложил Ник. – Дурь это какая-то.

– А вот мне не кажется, что дурь.

– Это уж как вам будет угодно.

Пытаясь лечь поудобнее, Ник подоткнул подушку и натянул на себя край одеяла, Эми его словно не замечала, она сидела, закаменев от ярости. А ведь какой-то час назад все было тихо и мирно, сокрушенно подумал Ник. И кто бы мог ожидать, что она так себя заведет? Он ворочался с боку на бок, безуспешно пытаясь уснуть, а Эми сидела рядом, поблескивая глазами и поджав губы. В конце концов Ник уснул.

Глава 8

На следующий день Тереза прямо с утра поехала знакомиться с окрестностями, однако небо обложило низкими тяжелыми облаками; они напоздали с моря, обрушивая на землю приступы проливного дождя и не давая возможности хоть что-нибудь толком рассмотреть. Терезе удалось получить лишь самое приблизительное впечатление о рощах и холмах, о маленьких симпатичных поселках. Она не успела еще привыкнуть к левостороннему движению, а потому быстро выдохлась и решила, что на сегодня экскурсий достаточно.

Обедала Тереза в баре «Белого дракона»; Эми Колвин подавала ей молча и как-то не слишком дружелюбно, однако по первой же просьбе разогрела в микроволновке пирог с заварным кремом и принесла вареный рис. Тереза сидела за одним из ближних к камину столиков, левой рукой заталкивала в рот тяжелую, сытную еду, а правой писала письмо Джоанне, матери Энди. Эми сидела тем временем за стойкой, перелистывала какой-то журнал и в упор ее не замечала. Тереза не могла не удивиться, какая это муха ее укусила, однако вопрос не стоил того, чтобы над ним слишком долго задумываться. А потом бар стал заполняться клиентами, и тягостная атмосфера несколько разрядилась.

После обеда она доехала по побережью до Истбурна и нашла там редакцию «Курьера». Она смотрела на эту поездку как на что-то вроде предварительного знакомства, ожидая, что прочесывание старых номеров газеты займет не меньше двух-трех дней, и была приятно удивлена наличием в редакции электронного архива.

Войдя в архив с терминала, стоявшего в маленькой, но удобно оборудованной комнате, она за какие-то полчаса нашла и сбросила на дискету все, что там было про Гроува, включая резюме судебных отчетов по его прежним мелким правонарушениям, а также подробные описания бойни и ее последствий. Она заплатила за использованную дискету, поблагодарила сидевшую в приемной женщину и через полчаса, еще засветло, была уже в Булвертоне. Достань ей ума навести справки заранее, она могла бы скачать всю эту информацию прямо из дома по Интернету или даже из гостиницы, если там есть доступный для постояльцев модем.

Тереза забежала ненадолго в свой номер и выложила дискету на стол, чтобы изучить ее позднее. Затем развернула карту Булвертона и нашла Брамpton-роуд, маленькую улочку на северо-восточной окраине города. Прикинув, как туда проще добраться, она достала портативный магнитофон, вставила свежие, купленные утром батарейки и проверила уровень записи. Все вроде бы в порядке.

Брамpton-роуд принадлежала к уродливой послевоенной застройке, и единственным ее плюсом было расположение на одном из городских холмов, дававшее прекрасный вид на Ла-Манш. В утренних облаках уже появились прорехи, и море было подсвечено ослепительными пучками серебристого солнечного света. Во всем остальном эти кварталы были предельно унылыми.

Трех- и четырехэтажные дома, сложенные из бледно-бурого кирпича, были расставлены без всяких покушений на выдумку, параллельными рядами, напомнившими Терезе военно-воздушные базы ее детства. Лишь очень немногие деревья смягчали грубые очертания этих зданий, сады и скверы почти отсутствовали. Чуть ли не вся поверхность земли была залита бетоном. Мостовые, тротуары, проезды, автостоянки. Все улицы были окаймлены рядами машин, припаркованных двумя колесами на тротуаре. В недлинном торговом ряду имелись универсальный магазин, магазин спутниковых антенн, букмекерская контора, пункт видеопроката и пивная. Главная улица шла прямо по гребню холма, за строем посаженных вдоль нее деревьев мелькали высокие борта грузовиков. И – вездесущая вонь выхлопных газов.

С трудом найдя место для парковки, Тереза вышла из машины и сразу же пожалела, что не оделась потеплее: дувший с моря ветер пронизывал до костей. В нижних частях города ветер

был не так уж заметен, но здесь неровности склона создавали своего рода аэродинамическую трубу, дававшую ему разгуляться в полную силу. Судя по тому, что все незащищенные домами деревья клонились в одну сторону, ветер дул здесь если и не все время, то весьма часто. Нужный дом нашелся без всякого труда, даже в этой непрезентабельной округе он заметно выделялся в худшую сторону. Сейчас в нем явно никто не жил: все окна и дверь первого этажа заколочены досками, среди остальных окон, во всяком случае – по фасаду, нет ни одного целого. На бетонном крыльце и за углом трепыхаются обрывки оранжевой полицейской ленточки. Траву перед домом не подстригали несколько недель, если не месяцев: несмотря на зиму, она буйно разрослась.

Этот дом был последним в длинном ряду. Цифры 24 на двери подтверждали, что именно здесь жил Джерри Гроув в предшествующие бойне недели. Можно было догадаться, что жильцы съехали из этого дома, как только он приобрел печальную известность, а так, если бы не полная запущенность, он бы мало отличался от своих соседей. Тереза достала из сумки фотоаппарат и снимала дом с разных точек. Две женщины, с трудом катившие в гору детские коляски, не обратили на нее никакого внимания.

Тереза попыталась подойти к дому с задней стороны, но тут ее остановил деревянный, в несколько футов высотой забор. Садовая калитка была заколочена доской. В заборе – щели от вывалившихся планок; Тереза заглянула в одну из них, но только и увидела что заросли сорняков и все те же заколоченные окна. Если бы очень хотелось, она преодолела бы ветхий забор без всякого труда, однако нужды в том особой не было, да и кто их знает, какие здесь правила. В какой-то момент полиция закрыла и опечатала этот дом. Продолжает ли он находиться под ее защитой? Да и кто в него полезет – кроме любопытствующих вроде самой Терезы?

Тереза отошла от забора и пару раз сфотографировала окна верхнего этажа, сама удивляясь, зачем ей это. Жалкий запущенный дом, ничем не отличающийся от всех прочих домов этой улицы; с тем же успехом она могла бы снять любой из них.

Ни в чем, кроме небольшого обстоятельства, что он – тот самый.

Тоскливо все это. Тереза спрятала камеру и снова сверилась с картой. Тонтон-авеню совсем рядом, через одну улицу, параллельно Брамpton-роуд и выше по склону. Легче дойти пешком, чем снова искать место для парковки.

Женщины с колясками ушли вперед, но еще не очень далеко. Тяжело им, склон хоть и не крутой, но длинный. Остановившись, чтобы отдохнуть, Тереза оглянулась и увидела около мили непрерывного подъема. Она ужаснулась, представив себе, что это такое – таскаться здесь туда-сюда с детской коляской или продуктовыми сумками.

Когда Тереза дошла до Тонтон-авеню, эти женщины продолжали упорно карабкаться вверх, и она почувствовала облегчение, что не пришлось обгонять их и, возможно, даже переброситься с ними парой слов. Облегчение, а вместе с тем и что-то вроде вины. В этом вдребезги разбитом мире она ежесекундно ощущала свой статус чужака, чужака, не имеющего права на что-то надеяться. Она и себе-то с трудом объясняла, для чего ей потребовалась эта дорогушая поездка в Англию, и совсем не хотела объяснять это другим, посторонним ей людям.

Дом номер 15 по Тонтон-авеню выглядел вполне пристойно: занавески в цветочек, входная дверь недавно покрашена, к ней ведет аккуратная бетонированная дорожка. Приближаясь к дому, Тереза ни разу не взглянула на окна, словно боясь преждевременно выдать цель своего визита, а потом нажала кнопку звонка и стала ждать. Дверь ей открыла грузная ширококостная женщина средних лет в чистом, хотя и сильно вылинявшем домашнем халате. На лице женщины застыло усталое, обреченное выражение. Она смотрела и молчала.

– Привет, – сказала Тереза и сразу пожалела о своей американской бесцеремонности. – Добрый вечер. Я ищу миссис Рипон.

– А зачем она вам? – спросила женщина.

Из глубин дома появился маленький, только начинавший ходить мальчик, обнял женщину за ноги и вскинул глаза на Терезу. У него была бледная кожа и губы, перепачканные какой-то едой. Он увлеченно, с прихлупом сосал резиновую соску.

– Вы миссис Рипон? Миссис Элли Рипон?

– Что вам нужно?

– Я приехала в Англию из Соединенных Штатов. Не согласились бы вы ответить мне на несколько вопросов?

– Нет, не соглашусь.

– Это тот дом, где живет мистер Стив Рипон? – не сдавалась Тереза.

– А кому это нужно знать?

– Мне, – сказала Тереза, прекрасно понимая, что ничего, кроме раздражения, этот ответ вызвать не может и вообще все идет наперекосяк. Здесь, в Англии, она была почти беспомощна, не ощущала за собой надежных тылов. Она привыкла, что покажешь кому-нибудь свой значок – и он сразу как шелковый. А одно ее имя не имеет для Стива Рипона ровно никакого веса – и для Стива Рипона, и для всех остальных булвертонцев. Да и значок, он бы их тоже не впечатлил. – Он меня, конечно, не знает, но...

– Вы из конторы по пособиям? Его сейчас нет дома.

– А вы не знаете, когда он должен вернуться? – спросила Тереза, уже прекрасно понимая, что ничего не добьется от матери Стива; в том, что эта женщина приходится Стиву матерью, она ничуть не сомневалась.

– Он никогда не говорит, куда идет и когда вернется. А что вам нужно? Вы мне этого так и не сказали.

– Просто немного с ним побеседовать.

Из дома тянуло запахом какой-то стряпни, очень аппетитным, как подумалось Терезе, но вместе с тем и тошнотворным. Домашняя готовка, почти позабытая ею разновидность еды, со всеми ее плюсами и минусами, столь важными для тех, кому приходится следить за своим меню, к примеру – для нее самой.

– Сомневаюсь, – качнула головой миссис Рипон. – Так не бывает, чтобы кто-то хотел просто побеседовать со Стиви. Если вы не из конторы по пособиям, значит, это насчет Джерри Гроува, верно?

– Да.

– Он про это больше не говорит, не хочет. И никто не хочет, неужели вам этого не понять?

– И все-таки я надеялась, что он со мной поговорит. – Она не могла не видеть подчеркнутую враждебность этой женщины, ничуть не смягчившуюся за время их разговора. – Ну хорошо. Вы можете сказать Стиву, что я заходила? Я миссис Саймонс, остановилась в «Белом драконе», это на Истборн-роуд...

– Стив знает, где «Белый дракон». Вы из газеты?

– Нет.

– Значит, с телевидения? Ладно, я скажу ему, что вы здесь. Только не надейтесь что-нибудь от него узнать. После всех этих дел он замкнулся наглухо – и очень верно, я думаю, сделал.

– Я знаю, – сказала Тереза. – Я и сама так думаю.

– Не понимаю, почему его никак не оставят в покое. Он же с той стрельбой никаким боком не связан.

– Я знаю, – еще раз сказала Тереза.

И тут она попробовала себе представить, через что прошла эта женщина за последние месяцы, и сердце ее сжалось от сострадания. Стив Рипон был одним из последних людей, которые видели Джерри Гроува перед началом бойни. Сперва его заподозрили в соучастии и даже арестовали, когда через день он вернулся в город на своем потрепанном грузовике. Стив объ-

явил, что был все это время в Брайтоне у товарища. Хотя предпринятая проверка полностью подтвердила алиби Стива, было решено обыскать его грузовик и дом на Тонтон-авеню. В грузовике обнаружили коробку тех же самых патронов, какие использовал Джерри Гроув, причем Рипон упорно стоял на том, что знать не знает, откуда они взялись. На коробке и ее содержимом были обнаружены отпечатки пальцев, однако все они принадлежали Гроуву, в довершение всего к этому времени накопилось более чем достаточно свидетельских показаний, дабы увериться в том, что он действовал в одиночку, и даже в том, что все его первоначальные планы были составлены без расчета на соучастников. Обвинить Стива Рипона в незаконном хранении боеприпасов было невозможно, однако полиция все же сумела его прищучить – то ли за отсутствие страховки на грузовик, то ли за просроченный сертификат техпроверки.

И все это время журналисты густо роились на Тонтон-авеню, пытаясь выудить из местных жителей, что они знают про отношения Стива Рипона с Гроувом, а заодно и про самого Гроува. И больше всех натерпелась от их неотвязной назойливости эта вот женщина, мать Стива.

Нетрудно понять, что Тереза, которой тоже пришлось пройти через нечто подобное, не могла ей не сочувствовать.

Дойдя до конца бетонированной дорожки, она оглянулась; миссис Рипон стояла у двери и провожала ее взглядом. Терезе захотелось вернуться, объяснить ей свое поведение, сказать, что все совсем не так, как она, наверное, думает. Но в ФБР их учили никому ничего не объяснять без крайней необходимости, спрашивать и спрашивать, выслушивать и запоминать ответы, а позднее тщательно их анализировать. Для каждой ситуации, которая может возникнуть при контакте с общественностью, имелась своя, заранее прописанная процедура, ее и следовало придерживаться. Делай все по инструкции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.